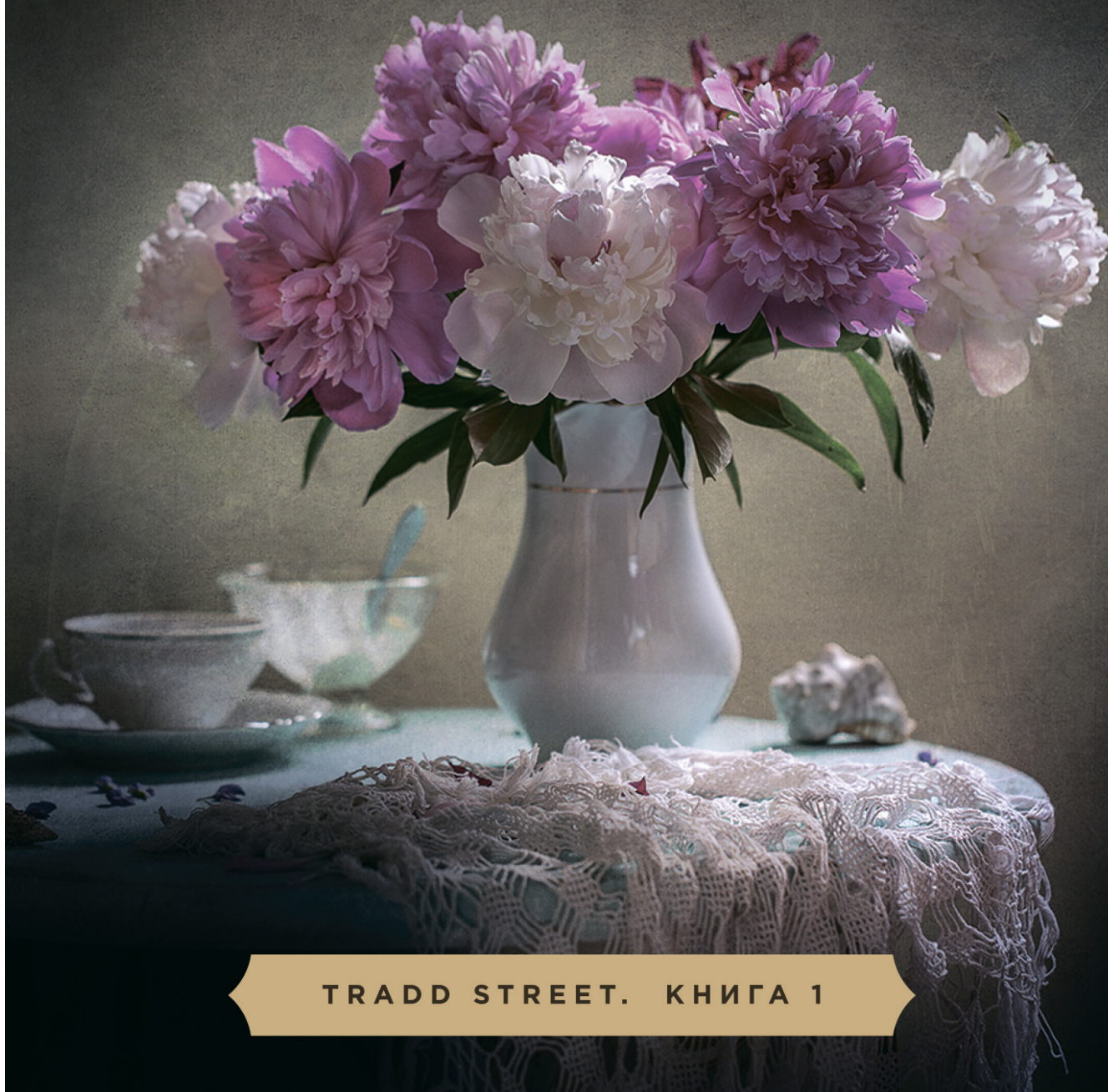

МЕЖДУНАРОДНЫЙ БЕСТСЕЛЛЕР №1
по версии New York Times

КАРЕН УАЙТ

*Особняк
на Трэдд-стрит*

TRADD STREET. КНИГА 1

Tradd Street

Карен Уайт

Особняк на Трэдд-стрит

«ЭКСМО»

2008

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Coe)-44

Уайт К.

Особняк на Трэдд-стрит / К. Уайт — «Эксмо», 2008 — (Tradd Street)

ISBN 978-5-04-101418-6

Мелани поражена. Ее случайное знакомство с загадочным мистером Вандерхорстом вылилось в то, что она получила от него в наследство целый особняк. Условия – прожить там год и отреставрировать, чтобы стать полноправной хозяйкой. Мелани не любит старинные дома. Она с детства обладает жутковатым даром видеть призраков, коих немало в городе. А уж в викторианских домах – и подавно. Помощь ей предлагает заносчивый писатель Джек, который вызывает у Мелани то злость, то желание его поцеловать. Отныне они связаны общей тайной: шифром, который, спасибо дару Мелани, должен помочь им отыскать старинные бриллианты.

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Coe)-44

ISBN 978-5-04-101418-6

© Уайт К., 2008
© Эксмо, 2008

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	13
Глава 3	20
Глава 4	27
Глава 5	38
Глава 6	46
Глава 7	54
Конец ознакомительного фрагмента.	61

Карен Уайт

Особняк на Трэдд-стрит

Karen White

THE HOUSE ON TRADD STREET (TRADD STREET BOOK 1)

© Бушуев В. перевод на русский язык, 2019

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2019

* * *

*Посвящается Терезе Уайт, моей замечательной свекрови и горячей
стороннице*

Глава 1

Оловянные отражения алого гибискуса окрашивали заляпанные грязью окна старого дома, подобно счастливым воспоминаниям о юности, запертым внутри дряхлого старика. Осыпавшиеся фронтоны над окнами придавали дому постоянно хмурое выражение, а вот отфильтрованные пологом листвы лучи солнца, падавшие на выщербленные колонны боковых веранд, раскрашивали дом надеждой. Казалось, он просто замер в ожидании чуда.

Я рассматривала дом, пытаясь своим риелторским разумом узреть прошлое этой убогой развалины. Передо мной был типичный чарльстонский особняк, повернутый перпендикулярно к улице, отчего его боковая сторона упиралась в тротуар. Входная дверь с богато украшенным карнизом и изящными декоративными кронштейнами открывалась на выходящую в сад веранду, где – я знала это – располагался главный вход в дом.

Я сморщила нос, готовясь уловить неизбежный запах пыли и тления, с которым непременно столкнусь, когда войду в дом. Несмотря на завидное местоположение к югу от Брод-стрит, клонуть на такое предложение мог либо слепой, либо круглый дурак. Мой обширный опыт продаж недвижимости в исторической части города подсказывал последнее.

Мое внимание привлек ритмичный пульс веревки, трущейся о ствол дерева, отчетливо слышимый в душном утреннем воздухе Чарльстона. Я даже подошла к кованой железной ограде и заглянула в боковой сад. Не знаю, что заставило меня остановиться – любопытство или простое нежелание идти дальше. Я ненавидела старые дома. Что может показаться странным, ведь именно они были моим, так сказать, коньком в сфере торговли недвижимостью. С другой стороны, может, это не так уж и странно, если принять во внимание истоки моей неприязни.

В любом случае старые дома давали мне массу причин не любить их. Начнем с того, что они провоняли лимонным маслом и пчелиным воском, смешанным с нафталином. Им всегда сопутствовала шаркающая походка пожилого хозяина или хозяйки, слишком старых, чтобы ухаживать за домом, но слишком упрямых, чтобы окончательно махнуть на него рукой. Как будто владелец дома исчерпал надежду найти в будущем нечто такое, что будет таким же хорошим, как прошлое.

Печально, не правда ли? В конце концов, это всего лишь штукатурка и древесина.

Ничего не увидев, я толкнула упрямую калитку, поросшую ползучим жасмином. Ржавые петли неохотно сдвинулись с места. Я осторожно прошла по потрескавшейся дорожке через некогда идеально ухоженный, а теперь изрядно запущенный сад, стараясь не попадать шпильками в трещины и сторонясь высоких сорняков, чьи колючки могли бы без всякого повода разорвать мои чулки и шелковый костюм.

Мое внимание привлек силуэт в дальней части сада. Я осторожно шагнула в непролазную чащу сорняков, чтобы разглядеть, что там такое.

Заросшая, неухоженная клумба окружала фонтан, в центре которого, застыв в вечном выдувании несуществующей воды из каменных губ, восседал херувим.

В фонтан давно заползли шустрые сорняки высотой почти мне по пояс и пытались вцепиться в лодыжки херувима. Из выщербленного цементного кольца, окружавшего фонтан, выскочил геккон и помчался по кругу. Прижимая к груди кожаную папку, я последовала за ним, обходя статую, сама не знаю зачем. По моему затылку ручьем стекал пот. Я подняла руку, чтобы вытереть его. Собственные пальцы показались мне ледяными – своего рода предупредительный знак. Я давно научилась распознавать его, еще будучи маленькой. Я приказала себе не обращать внимания на булавоочные уколы, пробегавшие по моему позвоночнику и заставлявшие слышать то, чего я не хотела слышать, и видеть то, чего другие люди не могли видеть.

Я уже была готова уйти, но при виде ярко-алого пятна застыла на месте, впившись каблуками дорогих итальянских лодочек в густой перегной. Небольшой участок земли в форме

подковы был очищен от сорняков, и там из присыпанной свежей сосновой корой земли росли четыре густых куста ярко-алых роз. Они напомнили мне нарядных молодых девушек, сидящих на задней скамье в полуразрушенной церкви; их аромат в этом заброшенном саду показался мне неуместным. Охваченная печалью, которой здесь был насыщен воздух, я отвернулась.

Давившая на меня духота почему-то имела ледяную сердцевину. Я запыхалась, как будто пробежала марафонскую дистанцию. Спотыкаясь, я проковыляла под тень дуба и, прислонившись к его стволу, подняла голову, пытаюсь восстановить дыхание. Я стояла посреди сада, которым, как мне казалось, был пропитан воздух и даже само время.

С древних ветвей дуба фестонами свисал испанский мох, а сами массивные ветви свидетельствовали о долгих годах жизни могучего дерева, чьи корни наверняка тянулись к дому. По заросшему саду все так же разлетался скрип качелей. Повернув голову, я вновь краем глаза поймала промелькнувшую тень.

На мгновение мне показалось, будто я вижу женщину в старомодном платье, толкавшую пустое сиденье примитивных качелей, свисавших с ветви дуба. Картинка была нерезкой, тусклой, смазанной по краям.

Я вновь затылком ощутила булавоочные уколы. Резко повернувшись, я зашагала через сад к веранде, не думая о судьбе своих колготок, лишь бы поскорей сделать дело и уйти.

Я пересекла мощенную мрамором веранду и с силой нажала дверной звонок, затем еще раз, мол, давайте, пошевеливайтесь. Казалось, прошла целая вечность, прежде чем из-за двери послышалось медленное шарканье ног. Сквозь матовое стекло дверного окошка, украшенного гравировкой в виде вьющихся роз, я разглядела какое-то движение. Узор на стекле преломлял свет и цвет, дробя силуэт человека по ту сторону двери на тысячи фрагментов.

Я вздохнула, зная, что старику понадобится еще минут пять, чтобы отомкнуть все тугие засовы, и еще двадцать, прежде чем он позволит мне добраться до причин нашей встречи. Знала так же точно, как и то, что, если я повернусь лицом к тому месту, откуда доносится скрип качелей, я ничего там не увижу.

Дверь распахнулась. Увидев перед собой огромные карие глаза, увеличенные чем-то похожим на донышки бутылок кока-колы, втиснутые в проволочную оправу, я удивленно отступила назад. Представший передо мной старик был высокого роста, который не скрадывали даже сутулые плечи под накрахмаленной белой рубашкой и темным пиджаком, из нагрудного кармана торчал аккуратный краешек носового платка.

Выхватив одну из своих визитных карточек, я протянул ее старику.

– Мистер Вандерхорст? Я – Мелани Миддлтон из «Бюро недвижимости Гендерсона». Мы с вами вчера разговаривали по телефону. – Мужчина не сделал ни малейшего движения, по-прежнему глядя на меня сквозь толстые линзы очков. – Мы назначили встречу на сегодня, чтобы поговорить о вашем доме.

Казалось, он меня не слышал.

– Я видел вас в саду.

Он продолжал смотреть на меня. Я поежилась и потерла ладонями плечи, как будто снаружи была зима, а не жаркое лето.

– Надеюсь, вы не против? Я бы хотела осмотреть ваш дом и сад.

Чтобы проиллюстрировать свою мысль, я даже повернулась лицом к саду. И внезапно поняла, что в тот момент, когда дверь открылась, скрип качелей стих. По меркам исторического городского района, участок вокруг дома был большой. Мне невольно подумалось о потраченном впустую пространстве, которое занимал дом. Куда полезнее было бы устроить на его месте стоянку для близлежащих магазинов и ресторанов.

– Вы видели ее?

Его голос заставил меня вздрогнуть. Низкий и очень мягкий, как будто старик им почти не пользовался и не знал, сколько воздуха ему нужно для каждого слова.

– Видела? Кого?

– Женщину, которая толкает качели.

Настроив свои радары, я посмотрела в увеличенные стеклами очков глаза.

– Нет. Там никого не было. Вы ожидали кого-то?

Вместо ответа он отступил назад, отворяя дверь шире и учтивым жестом приглашая меня в дом.

– Вы не войдете? Посидим в гостиной, я принесу кофе.

– Спасибо, но в этом нет необходимости...

Но он уже отвернулся от меня и прошаркал в арку, отделявшую переднюю от лестницы. Стены покрывали желтые китайские обои, и я на миг пришла в восторг от этой элегантно-красоты. Однако, подойдя ближе и увидев вспучивания и отставшие куски, мысленно подсчитала, во сколько обойдется восстановление обоев с ручной росписью.

Перешагнув порог, я вошла в комнату, которую указал мистер Вандерхорст. И оказалась посреди просторной гостиной с высоким расписным потолком, который обрамлял причудливый карниз. С потолка свисала массивная хрустальная люстра. Ее пыльные подвески облепила густая паутина. Замысловатый гипсовый медальон на потолке над люстрой завершил мое первоначальное впечатление от комнаты. Если честно, она напомнила мне свадебный торт, слишком долго простоявший в тепле.

Уловив застарелый запах воска, я вновь сморщила нос. В голову невольно пришло сравнение с моей новой квартирой в соседнем районе, с ее белыми стенами, ковровым покрытием от стены до стены и сплит-системой. Я никогда не пойму тех, кто готов выложить круглую сумму за эту изъеденную термитами кучу деревяшек, а потом окончательно разориться, угрожав остаток денег на поддержание этой рухляди в более-менее приличном виде. Я вздрогнула, благодарная судьбе за то, что, будучи дочкой военного, не привыкла надолго пускать корни и не испытывала благоговейной дрожи в коленях при виде древней архитектуры.

Стараясь не касаться ничего, что могло бы оставить пыль на моих руках и одежде, я огляделась по сторонам. Большая часть того, что выглядело как антикварная мебель, была зачехлена, за исключением выцветшего кресла в стиле Людовика XV и такой же оттоманки, а также огромных напольных часов из красного дерева. На оттоманке лежала, свернувшись в клубок, черно-белая собачонка. Заметив меня, она подняла большие карие глаза, ужасно похожие на глаза хозяина.

Эта мысль вызвала у меня улыбку. Впрочем, улыбка быстро погасла, стоило мне увидеть огромную трещину, змеившуюся по гипсовой стене от карниза к потрескавшемуся плинтусу в углу. Затем мой взгляд скользнул от большого, вызванного сыростью пятна на облезлом потолке к вспучившимся доскам пола под ним. Внезапно я почувствовала себя совершенно измотанной, как будто вобрала в себя немалый возраст и упадок комнаты.

В надежде, что дневной свет меня взбодрит, я шагнула к высокому, во всю стену, окну. Отодвинув в сторону выцветшую малиновую штору и едва не задохнувшись от пыли, я задумалась, мучимая вопросом: что, если небольшие офорты, которые я видела на стене, на самом деле лишь тонкие трещины в штукатурке? Я подалась вперед и прищурилась, мысленно отругав себя за то, что забыла дома очки.

От плинтуса и до отметки на высоте четырех футов от пола протянулась выцветшая серая линия. С интервалами примерно в дюйм ее пересекали небольшие поперечные полосы, рядом с которыми изящным почерком были подписаны цифры. Присев на корточки, чтобы их разглядеть, я поняла: передо мной ростомер. Рядом с указаниями возраста, который начинался с одного года, на вертикальной линии также расположились инициалы МЛМ. Я провела пальцем вдоль линии. Вскоре палец остановился на восьмом году жизни МЛМ.

– Это мои.

Голос раздался прямо позади меня. Я вздрогнула. Как же ему удалось так бесшумно приблизиться ко мне?

– Но инициалы... так вы не мистер Вандерхорст?

Его взгляд остановился на карандашных пометках на стене. Я же заметила, что старинный письменный стол отодвинули от стены, чтобы стали видны пометки. Теперь стол стоял почти посреди комнаты.

– МЛМ означает «мой любимый мальчик». Так меня называла мама.

Мягкий тон голоса напомнил мне мой собственный, голос маленькой девочки, которая притворялась, будто разговаривает по телефону с отсутствующей мамой. Я отвернулась. На непокрытом серванте стоял поднос с изящными чайными чашками и тарелкой шоколадных конфет с ореховой начинкой. Подойдя к нему, я заметила на серванте большую рамку, а в ней – сделанный сепией портрет мальчика, сидящего за пианино.

– Это я в возрасте четырех лет, – раздался рядом с моим ухом голос мистера Вандерхорста. – Моя мать увлекалась фотографией. Она обожала меня и любила фотографировать.

Шаркая ногами, он подошел ближе, снял чехол с изящного антикварного кресла и жестом предложил мне сесть.

Положив кожаную папку на пол возле ног, я села и подалась вперед, чтобы положить четыре кубика сахара и плеснуть сливок в кофе, отметив про себя изображения роз на чашках. Если честно, я ожидала увидеть вездесущий бело-голубой кантонский фарфор, характерный для домов исторической части Чарльстона. Розы на этом сервизе были ярко-алыми с крупными слоистыми бутонами, почти идентичные тем, которые я видела в запущенном саду. Взяв конфету, я положила ее на украшенное розами блюдце, затем, осознавая, что мистер Вандерхорст наблюдает за мной, взяла вторую и отхлебнула кофе.

– Это «розы Луизы» – гибрид, выведенный моей мамой и названный в ее честь. Она выращивала их в саду. В свое время они были довольно известны, по крайней мере, журналы присылали к нам своих фотографов, чтобы их сфотографировать. – Его глаза пристально смотрели на меня из-за толстых очков, как будто ожидая мою реакцию. – Но теперь единственное место в мире, где вы можете их увидеть, это здесь, в моем саду.

Я кивнула, желая поскорее перейти к делу.

– Вы садовод, мисс Миддлтон?

– Хм, вообще-то нет. То есть я отличу розу от маргаритки, но, пожалуй, этим мои знания в области садоводства и ограничиваются, – ответила я с неуверенной улыбкой.

Мистер Вандерхорст сел напротив меня в такое же кресло и слегка дрожащими руками поднял чашку.

– Когда в этом доме жила моя мать, у нас был дивный сад. К сожалению, я не смог содержать его в прежнем виде. Мне хватает энергии лишь на то, чтобы ухаживать за маленьким розарием у фонтана. Это были любимые розы моей мамы.

Я кивнула, вспомнив странный крошечный сад и скрип качелей, затем сделала еще глоток кофе.

– Мистер Вандерхорст, как я уже сказала вчера по телефону, я риелтор, и моя компания заинтересована в занесении вашего дома в наш реестр. – Я поставила чашку и потянулась за своей папкой, чтобы извлечь из нее прайс-лист с указанием стоимости соседних домов, а также брошюры, в которых объяснялось, почему моя компания лучше любой другой из десятка ей подобных в нашем городе.

– Вы ведь внучка Огастеса Миддлтона, не так ли? Ваш дедушка и мой отец вместе учились в Гарвардской юридической школе. Они даже начинали клерками в одной и той же юридической фирме, и Огастес был шафером на свадьбе моего папы.

Моя рука, вытянутая в направлении мистера Вандерхорста, застыла в воздухе, неожиданно став тяжелой, словно камень. Хозяин же как будто ее не заметил. Что делать? Я наклонилась через стол и, положив между нами прайс-лист, вновь взяла чашку с кофе.

– Увы, я не знала, что наши семьи знакомы. Да, мир тесен. – Я быстро глотнула кофе. – В любом случае, как я уже сказала, моя компания очень заинтересована...

– Когда мне было восемь, между ними случилась какая-то размолвка. После этого они перестали общаться. Изредка встречались в зале суда, но ни разу не обменялись ни единым словом.

Стараясь дышать медленно, я попыталась проглотить кофе и не поперхнуться, а также сделала сознательное усилие, чтобы не начать дергать ногой. Черт. Неужели мистер Вандерхорст пригласил меня сюда лишь затем, чтобы рассказать про моего деда Гаса? Или он сейчас выставит меня за дверь? И, вообще, разве нельзя было просто сказать мне все это по телефону и не ставить меня в неловкое положение?

– Несмотря на их размолвку, мой отец всегда считал его одним из самых достойных людей, которых он встречал в своей жизни.

– Видите ли, дедушка умер, когда моему отцу было всего двенадцать, поэтому я ничего не могу сказать по этому поводу.

– Знаете, вы очень похожи на него. И на отца тоже, хотя мы с ним никогда не встречались. Время от времени в газетах мне попадались снимки ваших родителей. Вы совершенно не похожи на вашу матушку.

Слава богу. Если он заведет разговор о моей матери, я буду вынуждена встать и уйти. Нет, конечно, я готова на многое, чтобы внести его дом в наш реестр, но даже у подхалимства есть свои границы.

– Послушайте, мистер Вандерхорст, у меня запланирована еще одна встреча, которую я никак не могу пропустить, поэтому мне бы хотелось обсудить...

И вновь он прервал меня, как будто не услышал моих слов. Взглянув на две конфеты на моем блюде, он лукаво улыбнулся.

– Ваш дед тоже был легендарным сладкоежкой.

Я открыла рот, чтобы возразить, но мистер Вандерхорст неожиданно спросил:

– Вам нравятся старые дома, мисс Миддлтон?

На миг я испугалась, что в доме есть скрытые камеры, которые в данный момент направлены на меня, чтобы позже воспроизвести запись на одном из этих глупых реалити-шоу. Я застыла, разинув рот, не зная, насколько правдивым должен быть мой ответ. Как будто не желая слышать откровенную ложь, с оттоманки спрыгнула собачка и, смерив меня укоризненным взглядом, выбежала из комнаты.

– Они... э-э-э... знаете ли, они очень старые. И это так мило. Просто блеск! В смысле, я хотела сказать, что сейчас старые дома действительно пользуются популярностью на рынке недвижимости. Как вы, наверное, уже знаете, с семидесятых годов, когда Исторический фонд Чарльстона спонсировал восстановление района Ансонборо, интерес к исторической недвижимости и цены на нее резко возросли. Люди покупают старые дома, восстанавливают их, а затем продают дороже, с большой для себя выгодой.

Я рискнула сделать еще один глоток кофе, надеясь, что хозяин дома больше не увидит разговор в сторону. Посмотрев на нетронутые конфеты на моем блюде, я решила, что, если положу в рот хотя бы одну, мистер Вандерхорст наверняка воспользуется моим молчанием, чтобы вновь сменить тему разговора.

– Как я уже сказала по телефону, ваш адвокат, мистер Дрейтон, связался с нами, по всей видимости, для того, чтобы внести ваш дом в наш реестр. Насколько я понимаю, вы решили перебраться в дом престарелых, и у вас нет родственников, которые были бы заинтересованы в вашем особняке.

Пока я говорила, мистер Вандерхорст не притронулся ни к кофе, ни к конфетам. Вместо этого он подошел к одному из высоких окон, которые выходили в сад. Оттуда, где я сидела, мне была видна часть старого дуба. Я умолкла, ожидая, когда хозяин подтвердит то, что я только что сказала, и заодно воспользовалась возможностью откусить кусочек темного шоколада.

Когда старик наконец заговорил, его голос звучал еле слышно.

– Я родился в этом доме, мисс Миддлтон, и прожил здесь всю свою жизнь. Как и мой отец, и дед, и прадед до него. Члены семьи Вандерхорст жили в этом доме с 1848 года, когда он был построен.

Кусочек конфеты застрял у меня в горле. Все понятно. Он не продает дом, я же впустую потратила целое утро. Кое-как проглотив шоколад, я ждала, что он скажет дальше, все это время чувствуя, как совесть дергает меня, шепча в ухо те же самые слова, но только сказанные моей матерью. Только это было давным-давно, и я уже не та девчушка, которая слушала их с надеждой в сердце.

– Но теперь я остался один. Последний из нескольких поколений предков, которые старались сохранить этот дом в нашей семье. Даже после Гражданской войны, когда не хватало денег, они продавали столовое серебро и драгоценности, а порой даже голодали, лишь бы не продавать этот дом. – Мистер Вандерхорст повернулся ко мне лицом, словно вспомнил, что я нахожусь в комнате. – Этот дом – нечто большее, чем просто кирпич, известь и доски. Это связь с прошлым, с теми, кто жил до нас. Это воспоминания и чувство общности. Это дом, в котором рождались дети и умирали старики, пока снаружи менялся мир. Это кусок истории, которую можно потрогать руками.

«Это тяжеленный долг, камнем висящий на вашей шее, который тянет вас вниз, к полному разорению», – хотелось добавить мне. Но я этого не сказала, потому что мистер Вандерхорст внезапно побледнел и пошатнулся, едва устояв на ногах. Я вскочила и подвела его к креслу, а затем протянула чашку кофе.

– Может, вам вызвать врача? Вы плохо выглядите. – Я поставила кофе на стол рядом с ним и, вспомнив, что старик сказал о доме, взяла его за руку. Пусть для меня это просто кирпич и известь, для него дом – это вся его жизнь. Жизнь, которая подходила к концу, у него же не осталось никого, кто взялся бы привести в порядок сад или мог бы любоваться чашками с розочками. Странно, но это опечалило меня, и я по-прежнему не отпускала его руку.

Старик даже не пригубил кофе.

– Вы видели ее? В саду... вы видели ее? Дело в том, что ее видят только те, кого она одобряет.

Я разрывалась пополам, не зная, то ли ответить ему, то ли вызвать врача. Но сказанные им слова я уже слышала раньше, и когда-то, миллион лет назад, моим молодым и легковерным сердцем я поверила им. Это тоже кусок истории, который можно потрогать руками. Я посмотрела старику в глаза и разрешила себе увидеть его мольбу и понять его боль.

– Да. Я видела ее, – ответила я, сделав глубокий вдох. – Но вряд ли потому, что она одобряет меня. Иногда я... вижу вещи, которых нет.

К лицу хозяина вернулся легкий румянец, и он даже улыбнулся. Более того, подавшись вперед, похлопал меня по колену.

– Это хорошо, – сказал он. – Я рад это слышать.

Сказав это, он откинулся назад, тремя большими глотками допил кофе и встал, как будто ничего не случилось.

– Надеюсь, вы не возражаете, если я завершу нашу милую встречу слишком резко. Просто сегодня утром мне нужно кое-что сделать, прежде чем придет мой адвокат. – С этими словами он стащил с подноса чистую льняную салфетку, поставил на нее фарфоровое блюдо с конфетами, связал углы салфетки узлом и вручил ее мне.

Я молча встала, в очередной раз выбитая из колеи его поступком.

– Но мы даже не обсудили... – пролепетала я, когда ко мне вернулся дар речи.

Вандерхорст сунул мне в руки накрытое салфеткой блюдо, и я была вынуждена его принять.

– Простите, я не могу взять ваше блюдо. Я не знаю, когда снова приду сюда, чтобы вернуть его вам.

Он лишь махнул рукой.

– Ничего страшного. Оно вернется сюда даже раньше, чем вы думаете.

Я хотела рассердиться. Боже, как же это глупо – потратить утро на бессмысленный визит! Однако посмотрев на блюдо в своих руках, я почему-то ощутила странное сожаление. Из-за чего? Это кусок истории, который можно потрогать руками. Мне вновь было семь лет, и я стояла рядом с матерью перед другим старым домом.

Я кожей ощущала то, о чем говорил мистер Вандерхорст, как бы сильно и долго я ни хотела это отрицать, и позволила глупой нежности к старику проникнуть в мое сердце.

Мистер Вандерхорст наклонился и нежно поцеловал меня в щеку.

– Спасибо, мисс Миддлтон. Своим сегодняшним визитом вы доставили мне, старику, огромную радость.

– Нет, спасибо вам, – ответила я. Почему-то мне хотелось расплакаться. Меня давно никто не целовал в щеку. Я даже едва не спросила, можно ли мне еще немного посидеть у него, попивая кофе с шоколадными конфетами и болтая о старых призраках – как живых, так и мертвых.

Но мистер Вандерхорст уже встал, и я упустила момент. Я машинально повесила на плечо ремешок портфеля. Пока мистер Вандерхорст вел меня к двери, я крепко сжимала узелок с блюдцем. Мы прошли через музыкальную комнату, большую часть которой занимал концертный рояль. Я тотчас вспомнила фото маленького мальчика, сидящего перед клавиатурой.

У меня не получилось задержаться здесь – на удивление сильная рука мистера Вандерхорста на моей спине неумолимо подталкивала меня к выходу. Для человека, который едва переставлял ноги, он оказался довольно целеустремленным. Что, в принципе, даже к лучшему. Я и так потратила впустую почти целый час.

Шагнув на веранду, я обернулась, чтобы попрощаться. Теперь он лучился улыбкой. За толстыми стеклами очков глаза его казались яркими, блестящими монетками.

– До свидания, мистер Вандерхорст. Было приятно с вами познакомиться, – сказала я и, как ни странно, не покривила душой.

– Нет, мисс Миддлтон. Это вам спасибо.

Чувствуя на себе его взгляд, я прошла через веранду к двери, выходявшей на тротуар. Подойдя к ней, я вспомнила про блюдо у меня в руках и обернулась. Мистер Вандерхорст, стоя в дверях, смотрел мне вслед – такая же часть дома, как колонны портика и окна.

– Я верну блюдо, как только смогу! – крикнула я.

И даже подумала, что с нетерпением буду ждать возвращения.

– Ничуть не сомневаюсь, мисс Миддлтон. Прощайте.

Чувствуя, что он наблюдает за мной, я открыла садовую калитку, затем закрыла ее за собой, после чего исчезла из его поля зрения. Я ни разу не повернула голову в сторону сада, откуда, прорезая влажный утренний воздух, вновь доносился ритмичный стук качелей, скрип трущейся о старый сук веревки.

Глава 2

На третье утро меня разбудил телефонный звонок. Сонным взглядом посмотрев на часы, я тихонько чертыхнулась и потянулась за очками, чтобы узнать время. Я еще не до конца примирилась с тем, что мне нужны очки – более того, с тем, что их следует носить, поэтому большую часть времени они проводили в футляре, лежа в выдвижном ящике комода. Я прищурилась и посмотрела на часы: половина седьмого. Черт! Как же я могла проспять? Обычно я ставлю будильник на шесть часов, чтобы начать день пораньше, и вот уже потеряла добрых полчаса!

Я схватила трубку, ругая себя за то, что вчера легла слишком поздно и забыла поставить будильник. Но я настолько увлеклась расстановкой книг на полках в гостиной, что совершенно забыла о времени.

– Алло?

– Привет, Мелани! Извини, что звоню в такую рань, но мистер Гендерсон сказал, что это важно и что я должна дозвониться до тебя немедленно. Хотя непонятно, почему он не позвонил тебе сам и не дал мне выспаться. Наверно, потому, что знает, что по субботам у меня ранний подъем. – Легкая гнусавинка в голосе секретарши особенно раздражала в шесть тридцать утра в субботу, зато упоминание имени босса быстро помогло выветрить из головы остатки тумана. Моя собеседница на том конце линии кашлянула.

– Я тебя не разбудила?

– Что ты, Нэнси. Счастлива была встать, чтобы ответить на звонок. – Я подождала. Хотелось, чтобы она оценила мой сарказм. В целом Нэнси Флаэрти неплохо разбиралась в азах своей работы, но ни для кого не было секретом, что большую часть своих активных усилий она придерживала для гольфа, дабы и дальше оттачивать свою коронную подсечку. Увы, большая часть сарказма до нее так и не дошла.

– Это хорошо. Поскольку мистер Гендерсон запланировал встречу с тобой и мистером Дрейтоном на девять часов утра, он просил, чтобы ты не опаздывала. Это как-то связано с наследством мистера Вандерхорста.

Я поморгала и выпрямилась, ожидая, когда слова перестанут крутиться в моей голове, как вода, винтом уходящая в раковину.

– Наследством? Ты имеешь в виду, что?..

– Именно. Похоже, он умер во сне. – Возникла короткая пауза, за которой последовал вздох. Я представила Нэнси в ее спальне с наушниками на голове, отрабатывающую подачу. – Это лучший способ уйти из жизни.

– Но я видела его всего два дня назад. – Я не могла объяснить внезапную печаль, которую вызвало во мне известие о смерти старика. Я представила его таким, каким видела в последний раз, – он стоит посреди гостиной с выцветшими обоями, глядя в окно на дуб, который рос в саду еще до его рождения. – Ничего не понимаю... Гендерсон сказал, зачем я понадобилась мистеру Дрейтону?

– Будь у меня такая информация, я бы сразу сказала.

– Да, верно. – Я сглотнула, с удивлением обнаружив застрявший в горле комок. – Но сегодня суббота... неужели нельзя подождать до понедельника?

– Не знаю, Мелани. Все, что я знаю, так это то, что мистер Гендерсон ожидает тебя.

Я села.

– Можешь сказать мне, где мы встречаемся?

Записав то, что сообщила Нэнси, я положила трубку и, прежде чем встать, еще минут пять таращилась на телефон.

Быстро приняв душ и надев по такому случаю строгую юбку и блузку – как-никак мне предстояла встреча в адвокатском бюро, – я через новый мост выехала из своего района, Маунт-Плезант, и вскоре поставила машину на служебной парковке за нашим офисом на Саут-Брод-стрит. Заглянув по пути в пекарню на углу, я купила два пончика и большую чашку латте со взбитыми сливками. Хозяйка, Рут, уже начала раскладывать пончики по пакетам, когда в окно заметила меня, и к тому моменту, когда я вошла внутрь, она уже включила кофемашину.

– Доброе утро, Рут.

Рут улыбнулась, демонстрируя передний золотой зуб, ярко блестевший на лице цвета кофе с молоком.

– Как-нибудь, мисс Мелани, я приготовлю вам здоровый завтрак. Главное, дайте мне более двух минут, слышите?

Я положила деньги на прилавок и взяла пакет.

– К сожалению, у меня нет больше двух минут, но все равно спасибо, – сказала я с улыбкой. Слизав сверху взбитые сливки, я схватила свой латте и попятилась к двери.

– Вы худышка, просто кожа да кости, мисс. Это нехорошо, то, что вы едите. Вам нужны зелень и фрукты. А также мясо и яйца, чтобы нарастить на костях немного мяса.

– В следующий раз, – ответила я, открывая дверь. – Всего хорошего.

Адвокатские конторы находились в нескольких кварталах от Кинг-стрит, но я решила пройти пешком, чтобы проветрить голову и морально подготовиться к тому, что меня ждет. Я зашагала на север, мимо современного гаража и нового офисного здания. Многие местные жители называли его или «брутальным», или «унылым». Я же, несмотря на глухое ворчание где-то на задворках моей головы, отказывалась видеть что-либо, кроме функциональности и грамотного использования пространства.

По привычке я избегала смотреть на исторические здания вдоль Кинг-стрит, что аккуратно выстроились вдоль так называемой «самой красивой торговой улицы в Америке».

Да, возможно, старые здания были по-своему прекрасны и еще лучше умели выкачивать из вас денежки, но то, что иногда глядело на меня из старых витрин, вынуждало смотреть прямо перед собой. То же самое с больницами. Я была вынуждена носить наушники, лишь бы не слышать голоса людей, которых могла видеть только я.

Шагая мимо узкой веранды с лестницей, ведущей наверх, где когда-то была жилая часть дома, я увидела на нижней ступеньке бледную молодую девушку, почти скрытую побегами гибискуса, что упорно цеплялись за облупившуюся краску. Я почти прошла мимо, как вдруг заметила, что ее кожа была почти полупрозрачной, а одежда – из другого века. Когда же я обернулась, она уже исчезла, лишь легкое покачивание большого красного цветка говорило о том, что она только что была там.

Вновь сосредоточив взгляд на тротуаре, я миновала новый Судебный центр, заодно вспомнив, какой фурор произвел в свое время его архитектурный проект, и нашла в следующем квартале адвокатскую контору «Дрейтон, Дрейтон и Дрейтон». Поскольку была суббота, величественная стойка ресепшена в фойе была пуста. Я стояла, размышляя, что мне делать, как вдруг большие двойные двери сбоку от стойки распахнулись, и в проеме показалась чья-то лысая голова. Заметив меня, немолодой мужчина нахмурился. Под его взглядом два пончика и большая чашка латте испуганно перевернулись в моем желудке.

– Мисс Миддлтон? – Он протянул холеную руку, и мы обменялись рукопожатием. – Я – Джонатан Дрейтон. Спасибо, что пришли. Прошу вас, входите.

Украдкой вытерев рот на тот случай, если на губах оставалась сахарная пудра, я последовала за мистером Дрейтоном в конференц-зал. Там за круглым столом сидели несколько человек, большинство из которых, как мне показалось, представляли вспомогательный персонал. Во главе стола восседал старший Дрейтон, которого я узнала благодаря нашим предыдущим деловым контактам. Одарив меня натянутой улыбкой, он поднялся с места.

– Мисс Миддлтон, рад видеть вас снова. Прошу вас, присаживайтесь, – произнес он и указал на стул во главе стола.

Я робко подошла ближе, внезапно насторожившись – почему я здесь и по какой причине должна сидеть во главе стола. Неужели всем этим знакам внимания я обязана тому факту, что старый дом на Трэдд-стрит попал-таки в наш реестр? Я села, скрестила в лодыжках ноги и сложила руки на коленях. При этом я была вынуждена надавить на колени как можно сильнее, чтобы мои ноги не выбивали обычную нетерпеливую чечетку.

Мистер Дрейтон сел на место, Джонатан Дрейтон – напротив него. В зале воцарилась тишина, и у меня вновь возникло нехорошее чувство.

Мистер Дрейтон заговорил первым:

– Мисс Миддлтон, прошу прощения за то, что заставил вас приехать сюда в субботу. Но ситуация слишком... особенная, и я не думаю, что в чьих-либо интересах ждать до понедельника.

– Ситуация? – Я крепко стиснула зубы, чтобы они не клацали.

– Да. Видите ли, мистер Вандерхорст, да упокоит Господь его душу, был не только старым клиентом этой фирмы, но и нашим дорогим другом.

Ничего не понимая, я недоуменно посмотрела на него. Оставалось лишь надеяться, что в эти мгновения я не похожа на оленя, выбежавшего под колеса автомобиля.

Откашлявшись, мистер Дрейтон заговорил снова.

– Как я понимаю, два дня назад вы нанесли мистеру Вандерхорсту визит, чтобы обсудить с ним вопрос о его доме – это так?

Я кивнула, чувствуя себя ребенком, сидящим за кухонным столом в отцовском доме и готовым получить от родителей неминуемую головомойку.

– Он каким-либо образом дал вам понять, что готов продать свой дом?

– Если честно, я не думаю, что такая мысль когда-либо приходила ему в голову. Я понятия не имела, зачем он пригласил меня туда. Мне показалось, что он просто одинок и ему не с кем поговорить. – Я посмотрела на свои руки и тотчас вспомнила фарфоровое блюдо с розочками и то, что когда-то оно принадлежало его матери. – Мистер Вандерхорст произвел на меня впечатление весьма милого человека.

– Вы помните, о чем шел разговор?

Я подумала о женщине и качелях в саду, и о том, что мистер Вандерхорст знал, что она там находится.

– Он упомянул, что его отец и мой дед были близкими друзьями и вместе учились в Гарвардской юридической школе, – сказала я. – Кажется, он также сказал, что мой дед был шафером на свадьбе его отца.

Мужчины понимающе переглянулись. Я выпрямила ноги и убрала с колен руки, намереваясь схватиться за край стола.

– В чем дело? Он позволил включить дом в реестр?

На этот раз заговорил Джонатан Дрейтон:

– Вам нравятся старые дома, Мелани?

Второй раз за два дня мне задали один и тот же вопрос. Я едва не расхохоталась, однако сдержалась, из опасения, что смех может легко превратиться в истошный вопль.

– Нет. Вообще-то нет. Честно говоря, я всегда считала их огромной тратой денег и странства.

Мистер Дрейтон наклонился ко мне.

– Но разве ваша мать не выросла в доме Приоло на Легар-стрит?

– Да, но...

– И разве она не продала его после того, как ваша бабушка умерла, а сама она ушла от вашего отца?

– Да, но...

– Разве вы не переживали по этому поводу? Что вы, так или иначе, лишились своего законного наследства?

– Законного наследства? Вы о чем?... – Я резко встала, и мой стул царапнул ножками ковер. Я вдруг как будто перенеслась в зал кривых зеркал. – Что здесь происходит? Я не понимаю, какое отношение внесение в реестр имеет к моей матери или ее дому!

Мистер Дрейтон нацепил на лицо нечто, что, по его мнению, должно было изображать успокоительную улыбку.

– Простите, мисс Миддлтон. Пожалуйста, сядьте. Я прошу прощения за то, что вы восприняли все как некое обвинение в ваш адрес. Просто я все еще потрясен внезапной кончиной моего друга и хочу убедиться, что тут все ясно. Как только вы услышите, почему мы пригласили вас сюда сегодня утром, вы поймете, почему мы хотели убедиться, что с вашей стороны не было никакого принуждения.

– Принуждения? – Я едва не рассмеялась. – Несмотря на мою репутацию, у меня нет привычки выкручивать руки потенциальным клиентам, особенно пожилым людям.

Смерив Дрейтона колючим взглядом, я опустила на свой стул и выжидающе посмотрела на обоих.

– Итак, что там с реестром? Он готов?

Оба откашлялись и переглянулись, после чего Джонатан произнес:

– Не совсем. Похоже, мистер Вандерхорст оставил вам в наследство свой дом и все имущество.

Я подалась вперед. Казалось, стоит хорошенько прислушаться, и я смогу услышать в этом внезапно ставшем тесным конференц-зале тему из «Сумеречной зоны».

– О нет!

– Вообще-то, да.

– Но это ошибка. Видимо, он не был в здравом уме, или что-то в этом роде.

Мистер Дрейтон наклонился ко мне.

– Нет, никакой ошибки нет. Я лично присутствовал при составлении мистером Вандерхорстом завещания, вскоре после того, как вы ушли от него в четверг утром. Он был в здравом уме. – Дрейтон взглянул на своего сына, затем снова повернулся ко мне. – Не считая слов о том, что его мать одобрит такое решение. Если честно, на следующей неделе я планировал навестить его и постараться переубедить. Как я уже сказал, все это весьма странно.

Я потеряла висок, в котором уже начала пульсировать боль.

– Его родственники наверняка оспорят завещание.

– У него нет родственников.

– Найдите кого-нибудь.

Оба Дрейтона синхронно встали. Джонатан шагнул вперед.

– Мисс Миддлтон, я понимаю, что для вас это полная неожиданность – как и для нас, но мистер Вандерхорст был непреклонен в том, чтобы его собственность непременно перешла к вам.

Мистер Дрейтон толкнул через весь стол запечатанный конверт. На нем значилось мое полное имя, даже со средним инициалом «П» – как на визитной карточке, которую я вручила мистеру Вандерхорсту.

– Мисс Миддлтон, мистер Вандерхорст полагал, что вам может понадобиться объяснение, поэтому он вручил мне этот конверт, чтобы в случае его смерти я передал его вам. Но я не ожидал, что это произойдет так скоро.

Я какое-то время тарасилась на конверт, не решаясь придвинуть его по полированной столешнице красного дерева и взять в руки. Затем, переборов себя, дрожащими руками взяла

его со стола, ощутив прикосновение плотной, хрустящей бумаги, но открыть все-таки не решилась.

– Мне это не нужно, – сказала я, взглянув на обоих Дрейтонов. – В этом письме нет ничего, что могло бы заставить меня изменить мнение.

– Мелани... Могу я называть вас Мелани? Вы сейчас в шоке. Как только у вас будет возможность осмотреть дом внимательнее, вы поймете, какое сокровище вы унаследовали.

С этими словами мистер Дрейтон одарил меня тем, что, по его мнению, было теплой улыбкой.

– Мистер Дрейтон, я видела дом. Если честно, это рухлядь. Я тотчас снесла бы его и прекратила его жалкое существование.

Мистер Дрейтон с тревогой посмотрел на меня.

– О, нет, мисс Миддлтон. Вы не можете этого сделать. Это исторический район, и он находится под охраной государства.

– Но он непригоден для жилья! Если я захочу его продать, то буду вынуждена сначала потратить деньги на ремонт, после чего будет впору просить милостыню, чтобы не умереть с голоду.

Мистер Дрейтон откашлялся.

– Вообще-то, деньги не должны стать проблемой. Мистер Вандерхорст... э-э-э... был человеком со средствами. Поскольку он не имел семьи, ему ничего не оставалось, кроме как копить их.

Я почувствовала проблеск надежды.

– Значит, я могу просто бросить этот дом, ждать, когда он развалится, а пока переехать в другое место, чтобы жить в роскоши?

Мистер Дрейтон снова кашлянул. Ему явно было неловко.

– Хм, не совсем. Видите ли, мистер Вандерхорст учредил целевой фонд, чтобы деньги были потрачены исключительно на восстановление дома. Разумеется, пока вы живете в доме, вы можете снимать со счета некую сумму на бытовые расходы. Конкретная сумма будет выделена вам на усмотрение управляющего фондом. Доверительный счет будет существовать до конца ваших дней.

Я энергично заморгала, пытаясь собраться с мыслями.

– А если продать его таким, как он есть? Из-за его состояния он пойдет гораздо дешевле рыночной цены, но найдется немало сумасшедших, которые тут же ухватятся за возможность его приобрести.

– Вообще-то, можно, – сказал мистер Дрейтон. – Правда, в завещании оговорено, что до того, как вам будет разрешено выставить его на продажу, вы должны прожить в доме как минимум год. То же самое касается и всей мебели.

Я вздохнула и откинулась на спинку стула.

– Итак, вы хотите сказать, что я влипла. – Я посмотрела на конверт и задумалась. – Могу я просто отказаться и уйти?

– Это ваше право. – Мистер Дрейтон подался вперед и постучал пальцами по конверту в моей руке. – Но прежде чем принимать какие-либо решения, прочтите это. Я не думаю, что мистер Вандерхорст поступил легкомысленно. Этот дом был чем-то вроде ребенка, которого у него никогда не было, и он оставил его на ваше попечение.

Я крепко сжала конверт, вспомнив, как мистер Вандерхорст стоял перед ростомером на стене гостиной. МЛМ. Мой любимый мальчик. Снова встав с места, я схватила сумочку и зашагала к двери.

– Мне нужно побыть одной. Я сообщу о своем решении во вторник.

– Можете не торопиться, Мелани.

– Нет. Не хочу, чтобы это висело над моей головой дольше, чем нужно. Я сообщу вам самое позднее во вторник.

Я не стала ждать их ответа. Я уже выскочила из зала и побежала по улице, прежде чем поняла, куда несут меня ноги.

Свернув за угол и вылетев на Трэдд-стрит, я вновь услышала скрип качелей. Надвигающаяся гроза сметала пыль с тротуара. Пылинки вихрем крутились вокруг моих ног, и я, несмотря на жару, дрожала. Посмотрев вниз, я увидела на тротуаре перед калиткой дома номер 55 по Трэдд-стрит выщербленную сине-белую плитку.

Открыв калитку, я подняла глаза на темное, грозное небо, быстро пересекла веранду и подошла к облезлому белому креслу-качалке, которое заметила еще при первом посещении дома. Я никогда не была любительницей сиделок на крыльце и даже могла бы придумать с десяток уничижительных кличек, коими удостоила бы таких любителей, но внезапно ощутила необходимость сесть на веранде и прочесть письмо с того света.

«Дорогая мисс Миддлтон!

Вы наверняка читаете эти строки в состоянии некоторого шока. Я прошу за это прощения, но я точно знаю, что ни минуты не сомневался в том, что принял правильное решение. Этот дом предназначен для вас.

Надеюсь, что, читая это письмо, вы сидите в каком-нибудь спокойном уголке, – возможно, в кресле на веранде. За время нашего короткого знакомства вы не произвели на меня впечатления человека спокойного. Вы постоянно дергали ногой, и, хотя это может быть следствием чрезмерного потребления сахара, я почему-то подумал, что это не так. Как гласит старая поговорка: нужно хотя бы изредка остановиться и понюхать розы. А в вашем новом доме есть красивые розы.

Я оставляю вам этот дом, как отец передает ребенка заботе опекуна. Таким домом, как этот, нельзя владеть; на нас лишь возложена забота о нем для следующего поколения. Я видел, с каким ужасом вы смотрели на трещины в его стенах. В последние годы у меня не было ни сил, ни здоровья, чтобы заняться его ремонтом. Но у меня есть средства – уверен, мистер Дрейтон уже объяснил вам, – на то, чтобы восстановить дом таким, каким он запомнился мне в детстве.

Прежде чем принимать решение, вы должны знать хоть что-то об истории этого дома. Во время Гражданской войны, после падения Чарльстона здесь были расквартированы офицеры-янки. Если приглядеться, на перилах в коридоре все еще можно увидеть следы их сабель. Во время нескольких эпидемий желтой лихорадки, которые вспыхивали в городе в девятнадцатом веке, дом также использовался под лазарет. Женщины семьи Вандерхорст были слишком крепки и здоровы, чтобы болеть, и поэтому ухаживали за больными и обряжали в прихожей мертвых. Они отправляли мужчин на войну и кормили всех даже после того, как заканчивались деньги. Во время ураганов и после землетрясения 1886 года они, чтобы защитить семью, разбивали на переднем крыльце бивуак, прихватив первое, что попадалось под руку. Они были похожи на фундамент этого дома – слишком крепкие и прочные, чтобы их поколебали такие мелочи, как война, эпидемии и разруха.

Вы похожи на них, осознаете вы это или нет. Думаю, именно поэтому моя мать одобряет вас как новую хозяйку дома. Вы во многом напоминаете ее. Она тоже была красавицей, но никогда не полагалась на внешность, предпочитая пускать в ход свой острый ум, и никогда не допускала, чтобы ее противник знал, что битва закончилась, даже не начавшись. Я уловил

в вас некоторое беспокойство. Вы напоминаете мне якорь, ищущий, за что ему зацепиться. Мы все должны иметь корни, Мелани, иначе мы уподобимся сорнякам в саду, которые легко вырвать и выбросить. В отличие от розового куста, который крепко цепляется за почву и живет в течение нескольких поколений.

Моя мать любила этот дом почти так же, как любила меня. Конечно, найдутся те, кто с этим не согласятся, потому что она оставила нас, когда я был маленьким мальчиком. Но за этой историей явно кроется нечто большее, хотя я так и не смог выяснить, что именно. Возможно, судьба привела вас в мою жизнь, чтобы вы узнали правду и чтобы мать, наконец, после всех этих долгих лет смогла обрести покой.

Я отдаю себе отчет в том, что это вряд ли станет для вас легкой ношей, наоборот, скорее покажется вам обузой, нежели подарком. Наберитесь терпения, моя дорогая, ибо тому, кто ждет, открываются прекрасные дары.

Да благословит вас Бог, Мелани. Все мои последние надежды я возлагаю на вас.

Невин Вандерхорст».

Вновь услышав скрип раскачиваемых качелей, я оторвала глаза от письма. Затем встала и медленно спустилась по ступенькам к зарослям гибискуса, чтобы сквозь них заглянуть в сад.

Женщина снова была там, подталкивая качели. Правда, на этот раз они не были пустыми. Крепко держась за веревки, на дощечке сидел маленький мальчик. Он смеялся, и этот детский смех ласкал мне щеки подобно нежному дуновению ветерка.

Внезапно ощутив затылком горячее покалывание, я подняла голову и посмотрела на окно верхнего этажа. За неровным стеклом, сверля меня взглядом, маячила темная тень. У меня перехватило дыхание. Казалось, эта злобная тень в окне высасывала из воздуха кислород.

Отшатнувшись, я попятилась к калитке и вышла на улицу. Я шла, не поднимая головы, ибо небо разверзлось, и тротуар передо мной потемнел от дождя.

Глава 3

Я не ложилась спать всю ночь, загружая музыку в айпад. Я получила его в подарок на Рождество, и даже через семь месяцев после праздника он все еще лежал в коробке. Айпад мне подарила Софи Уоллен, скрытая хиппи, преподавательница местного колледжа, чьей специальностью была история и сохранение архитектурных памятников, и, по неведомым мне причинам, моя лучшая подруга. Мы познакомились, когда кто-то из коллег предложил мне проконсультироваться у Софи по поводу проекта реставрации дома, который я пыталась продать в историческом районе Чарльстона.

Тогда она отказалась говорить со мной, пока не прочтет мои карты Таро, после чего усадила меня в позу лотоса на полу ее кабинета. Сама она в это время медитировала, я же украдкой посматривала на часы.

Позже она отвела меня в пекарню Рут и купила мне самый большой кусок шоколадного торта, после чего заявила, что я пребываю на грани компульсивно-обсессивного расстройства, слишком подавленная морально вследствие отцовского военного воспитания. Кроме того, я, по-видимому, недополучаю секса, потому что скованна, как манекен в витрине универмага. Но, добавила она, ей кажется, что мы сработаемся. С тех пор мы подруги.

Софи заявила, что мне нужно расслабиться, чему, по ее мнению, поможет прослушивание музыки. И купила мне ядовито-зеленый айпад. Я уверена, она подозревала, что, как только я выкрою время на загрузку музыки, я угрожаю большую часть ночи, придумывая способы внести в плей-лист 351 песню.

Вновь пробежав мутным взглядом список, я с тревогой вздохнула, заметив несколько вещей, которые, сама не знаю зачем, включила в него наряду с песнями «АВБА», Тома Петти, «Дюран Дюран» и «Карз»: «Наш дом», «Дом восходящего солнца», «Это мой дом», «Сжигая дом» и даже «На крыше дома».

Выключив компьютер и отсоединив айпад, я засунула его обратно в коробку и бросила в ящик комода в прихожей. Затем зашла в кухню и долго щурилась, глядя на часы на кофеварке, прежде чем смогла понять, сколько сейчас времени. Шесть тридцать. Подожду до семи, решила я, зная привычку Софи спать допоздна, а потом позвоню.

Без одной минуты семь я нажала на своем телефоне кнопку быстрого набора.

После восьмого гудка Софи подняла трубку.

– Ммм.

– Привет, Соф. Это Мелани. Не хочешь взглянуть вместе со мной на один дом?

– Ммм...

– Можем встретиться, скажем, через час?

Пару секунд в трубке царило молчание.

– Какого черта ты звонишь мне в семь часов утра в воскресенье?

– Извини. Я думала, часа тебе хватит.

– Неправда, ничего ты не думала. Я сейчас положу трубку, а ты перезвонишь мне в полдень.

– погоди! Ладно, извини. Но это действительно важно.

И вновь молчание. Я представила, как Софи страдальчески закатывает глаза.

– Ну, хорошо. Выкладывай, что все это значит.

– Кажется, я получила в наследство дом.

– Понятно, – медленно сказала она. – И это незамедлительно требует звонка мне ни свет ни заря в воскресенье, потому что?..

– Ну, это старый дом. К югу от Брод-стрит.

Я знала, что заполучила ее внимание. Я даже услышала шорох простыней, когда она села в кровати.

– И где именно?

– Номер пятьдесят пять на Трэдд-стрит.

– Дом Вандерхорста? – почти взвизгнула она мне в ухо. – Ты получила в наследство дом Вандерхорста?

– Ну да. Но я бы не стала радоваться по этому поводу. Видела бы ты, в каком он состоянии внутри...

– Встречаемся у ворот в восемь часов.

Услышав щелчок на другом конце линии, я улыбнулась и положила трубку. Ее восторг меня слегка обеспокоил, с другой стороны, у меня отлегло от сердца. По крайней мере, я получу профессиональное и беспристрастное мнение о достоинствах дома и тогда смогу решить, принимать мне этот подарок или нет.

– Независимо от того, как выглядит дом изнутри, даже если крыша вот-вот провалится, ты просто обязана взять этот дом.

Вот вам и профессиональное, непредвзятое мнение. Софи, руки в боки, стояла рядом со мной на тротуаре, глядя на свалившийся на меня дар. Включив радио, я ждала в машине, пока она не появилась.

Я посмотрела на свою подругу: сегодня на Софи была длинная, полупрозрачная юбка с вышитыми вдоль подола игуанами и красная футболка-варёнка, заправленная в юбку, на ногах – коричневые замшевые сабо. Длинные, курчавые черные волосы были собраны на затылке в рыхлый узел, которому не давали развалиться две длинные палочки – с названием китайского ресторана, из которого они пришли.

– Ты сама знаешь: твой прикид – сильный аргумент против бессрочного контракта.

Она пропустила мои слова мимо ушей.

– Этот дом фигурирует почти в каждом учебнике по архитектуре, какие я читала. Это ведь классический чарльстонский особняк. Посмотри вон на то веерное окно – в нем все еще сохранилось старое стекло. Видишь, входная дверь сделана на боковой стороне дома? Это для того, чтобы летом в нее задувал речной ветерок. Теперь взгляни на великолепную веранду – ты где-нибудь видела такие чудные колонны? Дом идеален.

– Я разбираюсь в старых домах, Софи, – раздраженно сказала я. – Или ты забыла, что я их продаю?

– Ты знаешь ровно столько, сколько нужно, чтобы продавать их, но на самом деле ты в них ничего не смыслишь. – Она толкнула калитку, чтобы войти в сад; та открылась без сопротивления. Я с удивлением посмотрела на калитку и даже собралась проверить петли, когда Софи сказала:

– Кажется, ты говорила, что дом пуст.

После этого она скользнула взглядом по одному из окон комнаты с ростомером на стене. Я моментально ощутила легкое покалывание в затылке и, без сомнения, уловила запах роз.

– В принципе, да, – ответила я. – Почему ты спрашиваешь?

– Мне показалось, будто шевельнулась штора.

– Наверное, просто сквозняком потянуло в одну из трещин в стенах.

Софи нахмурилась, затем вновь повернулась к дому.

– Я знаю не менее десятка человек, которые готовы расстаться со своим левым глазом, лишь бы завладеть этим домом.

– Замечательно. Приготовь для меня список.

Пропустив мои слова мимо ушей, она поднялась по ступенькам на веранду. Я последовала за ней. Софи застыла, впившись взглядом в дверное стекло. Затем ее ладони благоговейно скользнули по его матовой поверхности.

– Похоже на «Тиффани». Вставлено не с самого начала, конечно, но все равно ценное. Ты хотя бы знаешь, какая это редкость – найти настоящее окно от «Тиффани» в доме, для которого оно предназначалось? Поистине удивительно, особенно учитывая, сколько лет этому дому.

Я вновь посмотрела на окна, пытаюсь увидеть их ее глазами. Увы, там, где она видела произведение искусства и удивительное мастерство, я видела лишь старое окно, ремонт и восстановление которого, если оно вдруг разобьется, обойдется в целое состояние. Мне хотелось, пусть на несколько мгновений, узреть его красоту. Увы, с тех пор как мне исполнилось семь лет, я разучилась видеть эту красоту.

Софи провела рукой по одной из колонн, сдирая хлопья высохшей штукатурки, чтобы взглянуть, что там под ней.

– Да, кирпич. Внутри кирпич, что очень хорошо. Во-первых, это прочнее, чем просто штукатурка, а во-вторых, термиты не любят кирпич. – Зацепившись за верхнюю ступеньку своим сабо, она покачала головой. – Чего не скажешь про крыльцо. Его придется заменить, а колонны на веранде – оштукатурить заново. Это действительно большая работа.

Она сморщила нос в хорошо знакомой мне гримаске, и я ответила на ее немой вопрос:

– Сказали, что у мистера Вандерхорста было много денег – и он завещал их мне, чтобы я привела в порядок... этот...

– Прекрасный дом.

– Это не совсем то, что я собиралась сказать, но, пожалуй, это тоже верно.

Софи отступила на нижнюю ступеньку и окинула взглядом фасад.

– Вот это да! Итак, ты унаследовала этот роскошный дом, и вдобавок теперь ты богата. Неплохо для одного дня работы.

– Не совсем. Все деньги будут положены на доверительный счет. Право распоряжаться деньгами для благоустройства дома будет иметь попечитель, и если он или она почувствует прилив щедрости, то предоставит содержание и мне.

Софи улыбнулась улыбкой, от которой мужчины обычно таяли и валились к ее ногам, но сейчас она только раздражала меня.

– Мистер Вандерхорст был воистину умным человеком.

– Не слишком умным, если сделал своей наследницей меня. Я не хочу ввязываться в эту авантюру. Ты знаешь мое отношение к старым домам. Ты знаешь, что я думаю по поводу владения недвижимостью.

– Да уж. И я даже знаю почему. И поэтому считаю, что это может быть для тебя полезно.

Я отвернулась. Увы, мой взгляд упал на облупившуюся краску жалюзи, а затем – на белое плетеное кресло-качалку, в котором я сидела, когда читала письмо мистера Вандерхорста. В этот момент со мной что-то случилось. Нечто такое, что заставило меня прислушаться к Софи и своей совести, вместо того чтобы раз и навсегда отказаться от этого ужасного предложения. Это нечто было связано с тем, что лежало в сердце семилетней девочки до того, как вокруг нее сомкнулась суровая реальность жизни.

Повернувшись к подруге, я открыла сумочку и достала конверт.

– Поскольку я, похоже, потеряла все шансы на непредвзятое мнение, почему бы тебе не прочесть вот это, прежде чем мы войдем в дом.

Сев в кресло, я ждала, когда Софи прочтет письмо. При этом я старалась смотреть прямо перед собой, не обращая внимания на скрип качелей, снова раздававшийся во дворе.

– Эй, ты читала эту часть? – Софи села в кресло рядом со мной. – Послушай: «Моя мать любила этот дом почти так же, как любила меня. Конечно, найдутся те, кто с этим не согласятся, потому что она оставила нас, когда я был еще маленьким мальчиком. Но за этой историей явно кроется нечто большее, хотя я так и не смог выяснить, что именно. Возможно, судьба привела вас в мою жизнь, чтобы вы узнали правду и чтобы мать, наконец, после всех этих лет смогла обрести покой».

– Да, я читала. Но я не совсем поняла, что это значит, за исключением того, что мать бросила его.

Софи снова сморщила нос.

– Так же, как и твоя – тебя.

Я отвернулась, по-прежнему не в силах забыть нестерпимую боль в сердце семилетнего ребенка.

Софи вновь посмотрела на письмо.

– Кажется, я кое-что помню про историю этого дома. Говорю же, я видела его во многих книгах, и есть некая история...

Задумчиво наморщив лоб, она постучала пальцем по бумаге.

Я смотрела на Софи. Звук качелей стал громче.

– Ты слышишь? – спросила я.

– Что именно?

– Скрип веревки, трущейся о ветку дерева?

Софи отрицательно покачала головой.

– Нет. Не слышу.

Она пристально посмотрела на меня, но я опять отвернулась. Мой взгляд упал на отсутствующие кирпичи на первых ступенях.

Софи молчала, я же, чтобы заглушить звук качелей, начала напевать «Танцующую королеву», которую вчера загрузила в айпад.

– Это «АББА», Мелани?

Я не ответила ей и, стуча каблуками по треснувшей мраморной плитке, подошла к противоположному краю веранды.

– Да! Я вспомнила! – Софи вскочила со стула и встала рядом со мной. – Это случилось в конце двадцатых или начале тридцатых годов. Что-то такое, что связано с любовным треугольником. Женщина сбежала от мужа с другим мужчиной, но это все, что я помню.

– Чудесно. Поскольку ты любительница подобных вещей, я поручаю тебе изучить историю дома и сообщить мне результаты.

– Боюсь, что не смогу. Скоро начало семестра, и у меня своих дел по горло. Однако с удовольствием дам тебе почитать несколько книг.

– Давай. И поскорее.

Я подошла к входной двери, как вдруг до меня дошло:

– У меня же нет ключа.

Входная дверь внезапно открылась, и в дверях возникла женщина, столь же широкая, сколь и высокая. В руках у нее была черно-белая собачка, которую я видела во время своего предыдущего визита.

– Затем стоять на жаре? Заходите, внутри прохладнее.

Словно дисциплинированные солдаты, мы прошли в дом. Я протянула женщине руку.

– Я Мелани.

– Я знаю, кто вы. Вы – вылитая копия своего деда, когда он был в вашем возрасте.

– Вы знали моего деда?

Она посмотрела на меня, вернее сказать, зыркнула.

– Нет, конечно, нет. Как вы думаете, сколько мне лет? Перед своей кончиной мистер Невин показал мне фото своего отца и вашего дедушки. Кажется, он сказал, что снимок был сделан в день свадьбы его отца.

– А можно мне посмотреть на него?

– Конечно, дорогая. Хотя почему вы меня спрашиваете? Ведь теперь вы здесь хозяйка. – Она рассмеялась удивительно высоким, похожим на птичью трель смехом, тем более неожиданным на фоне ее большого тела.

Софи одарила женщину одной из своих коронных улыбок.

– Я – доктор Уоллен, преподаватель Колледжа Чарльстона. А вы?..

– О боже! Где же мои манеры? Я – миссис Хулихан, домработница. А это... – Она помахала передней лапой черно-белой собачки – Это – Генерал Ли.

– Домработница? – Я вновь отметила толстый слой пыли и впечатляющие заросли паутины на люстре. В то же время мне бросились в глаза наводненные до блеска деревянные полы и отсутствие паутины по углам.

– Не торопитесь с выводами, – сказала миссис Хулихан, как будто читая мои мысли. – Согласно пожеланиям мистера Невина, я содержала в идеальной чистоте кухню и ванные комнаты, а также его спальню и все места, где я могла проводить уборку, ни к чему не прикасаясь и ничего не передвигая. Видите ли, он пекся о сохранности антиквариата. Все разваливалось, трогать что-либо было опасно. Поэтому здесь ничего и не трогали.

Я повернулась к Софи, но та уже прошествовала в гостиную.

– Это оригинальные кипарисовые полы и стенные панели. Ты только посмотри на эти карнизы! И резные узоры на каминной полке – это же классический Адам!¹ Что-то повреждено влагой, но в основном все цело. – Ее сабо застучали по полу, и я последовала за этим дробным стуком. Миссис Хулихан и Генерал Ли шествовали за мной по пятам. Стоя у бюро, которое было отодвинуто от стены, Софи изучала узловатую древесину выдвижного ящика с тем же тщанием, с каким я обычно вычитываю согласие клиентов на продажу дома. – Это ведь английский Хепплауэйт, не так ли? – Она привстала на цыпочки и посмотрела на верхнюю крышку. – Эта штука запросто может стоить тридцать тысяч.

Я с интересом воззрилась на допотопное бюро. Даже я знала, что такое английский Хепплауэйт. И невольно подумала о том, какие деньги могла бы выручить, продав эту штуковину.

Маленькая собачка на руках у миссис Хулихан заскулила.

– Ему, бедняжке, нужна прогулка. Он жутко скучает по хозяину. Сегодня утром даже не притронулся к своей миске. И не выходил на прогулку с тех пор, как скончался мистер Невин. Я несколько раз в день выпускаю его на задний двор, но я не могу его выгуливать. Не выношу эту жару.

Она протянула собачку мне. Я в ужасе посмотрела на пса. Всю свою жизнь я старалась не прикасаться к собакам.

– И что я должна с ним сделать?

– Отведите его на прогулку. Теперь он ваш.

Софи перешла в фойе и заглянула в музыкальную комнату.

– Здесь тоже все испорчено влагой. Похоже, тебе придется заново покрыть крышу, Мел. Миссис Хулихан сунула песика мне в руки. Тот снова залаял, а потом лизнул меня в нос.

– Нет, нет, нет. О том, что в нагрузку к дому мне достанется собака, не было даже речи. Экономка опустила подбородок; тот моментально исчез в складках ее мясистой шеи.

– Некому взять его. У моего мужа аллергия, иначе я это сделала бы. Он очень милый. Вот увидите, вы поладите с ним.

Я растерянно посмотрела на экономку. Она деловито вытащила из кармана халата поводок и защелкнула его на ошейнике пса. Не зная, что мне делать, я смотрела, как Софи прошла под аркой прихожей и, скользя рукой по резным перилам из красного дерева, начала подниматься по лестнице.

– Потрясающий дом. Прекрасный пример классической архитектуры Чарльстона. Даже не верится.

¹ Роберт Адам (1728–1792) – шотландский архитектор, крупнейший представитель британского классицизма XVIII века. Разработал воздушную, легкую и непринужденную версию раннего классицизма с упором на изящный дизайн интерьеров. – Прим. переводчика.

Я последовала за ней. На лестничной площадке она завернула за угол и продолжила подниматься на верхний этаж. Мне снизу было видно, как она положила руку на ближайшую к ней дверную ручку.

Миссис Хулихан, которая топала за мной по пятам, ахнула.

– Нет, только не открывайте...

Но Софи уже открыла дверь. До моего слуха донесся шелест перьев. Вместо того чтобы закрыть дверь и отойти, как это сделали бы большинство нормальных людей, Софи подошла к маленькой деревянной лестнице за дверью и начала подниматься по ней.

Я повернулась к домработнице.

– Куда это она?

Но миссис Хулихан, пытаясь, уже начала тяжело поднимать свои тела вверх по лестнице.

– На чердак. У нас там небольшая дыра. Голуби любят залетать в нее и устраиваться на ночь. Если дверь останется открытой, то они...

Не успела она договорить, как из открытой двери выпорхнул пухлый сизый голубь и, пролетев мимо нас на первый этаж, беспорядочно закружил под потолком прихожей. Прыгая через две ступеньки, я подлетела к чердачной двери, из которой в следующий момент выскочила Софи и захлопнула ее за собой.

– Ты не поверишь! Чего там только нет! К счастью, большая часть вещей накрыта брезентом, потому что там повсюду голубиные какашки, зато масса интересного! Там даже есть что-то вроде чучела буйвола, а еще другая мебель от Хепплуайта и Шератона.

Голубь пронесся над нашими головами. Мы пригнулись и втянули головы в плечи. Генерал Ли яростно залаял. Софи вскинула над головой нечто вроде трости.

– Посмотри, что я нашла.

Я посмотрела на трость. По поверхности гладкого дерева тянулась какая-то надпись.

– Что тут написано?

Миссис Хулихан удивила нас тем, что кашлянув, изрекла:

– Тут написано: «Утром я хожу на четырех ногах, днем на двух, а вечером на трех. Кто я?» – Она вопрошающе посмотрела на нас и, не дождавшись ответа, сказала: – Ответ: «Человек». Мудро, не правда ли? Вандерхорсты всегда питали любовь к загадкам. – Она с теплой улыбкой посмотрела на трость. – Дед мистера Вандерхорста подарил ему эту штуку по случаю окончания юридической школы. Она ему наверняка понравилась. Он хранил ее в одной из гостевых комнат, пока потолок не начал протекать. Тогда он отнес ее на чердак. Правда, я бы не сказала, что на чердаке намного суше.

Софи посмотрела на меня глазами, полными благоговейного трепета.

– Вот это да. Теперь все это твое. Все-все. Да ты самая везучая девушка в мире!

– Верно. Теперь у меня есть собака, чучело буйвола и дом с крышей, дырявой, как швейцарский сыр. По-твоему, это означает, что я самая везучая девушка в мире?..

Внезапно мне захотелось расплакаться. Чтобы не выставить себя в глазах Софи дурочкой, я повернулась к ней спиной и начала спускаться по лестнице, держа в руках визжащего Генерала Ли и увертываясь от воздушных атак голубя. Что может быть хуже этого?

– Кстати, а кто попечитель? – крикнула мне вслед Софи. – Ты этого так и не сказала.

Я остановилась и растерянно оглянулась на нее.

– А я не спрашивала. Не знаю, почему, но наверно, я все еще была в шоке.

– Чуть не забыла, – прохрипела миссис Хулихан, едва дыша от подъема по лестнице. – Получила для вас первое телефонное сообщение и чуть не забыла передать его вам. Приношу извинения, больше это никогда не повторится. Значит, так, около часа назад звонил некий джентльмен. Сказал, что ищет вас, так как ему только что сообщили, что теперь он попечитель и должен срочно связаться с вами. Он уже пытался дозвониться вам домой, но ему никто не ответил.

– Он назвал свое имя?

Миссис Хулихан вытащила из кармана сложенный лист бумаги.

– Да. Полковник Джеймс Миддлтон. Он не оставил номер, хотя я попросила. Он сказал, что вы поймете.

Я посмотрела на Софи. Ее глаза стали размером с блюдце. Да, все и впрямь хуже. Гораздо хуже.

Миссис Хулихан вопросительно наклонила голову.

– Миддлтон. Вы не родственница полковника?

Мне потребовалось усилие, чтобы ответить.

– Да. Он мой отец. Судя по всему, у мистера Вандерхорста было чувство юмора.

– О, еще какое! Но еще у него имелась крепкая вера в семейные узы. Вероятно, поэтому он сделал попечителем вашего отца. Он всегда говорил, что родная кровь не водица.

Она сказала что-то еще, но я ее уже не слушала. Я должна была уйти из этого дома – и от этого наглого голубя, – причем как можно скорее. Поставив песика на нижней площадке лестницы, я позволила ему потянуть меня туда, куда ему хотелось пойти, и вскоре оказалась на тротуаре рядом с калиткой, что вела в сад.

Женщина снова была там, раскачивала на качелях мальчика. Они оба посмотрели на меня, и мальчик помахал мне рукой. Я с облегчением отметила, что другой, зловещей фигуры, которую я заметила накануне, не было. Очень хотелось надеяться, что она была лишь плодом моего разыгравшегося воображения. Генерал Ли протягивал радостное приветствие, как будто узнал старых знакомых. Я удивленно посмотрела на него.

– Ты тоже их видишь?

Я вновь обернулась, чтобы посмотреть на эту сцену, но женщина, мальчик и качели исчезли, а сверчки возобновили свой хор. Я с минуту смотрела на запущенный сад, видя перед собой яркие цветы и сочную зелень там, где на самом деле теперь была лишь бурая земля и буйно разросшиеся сорняки. Видя то, каким дом был в прошлом. И каким он может стать снова.

Держа натянутый поводок, я шагала по улице, боясь оглянуться. Не хотела видеть дом во всей его былой красе, с колоннами и слоем алебаstra, сияющего на солнце Чарльстона. Отбрасываемые колоннами тени тянулись ко мне, словно руки, грозя схватить и больше не выпускать из своей цепкой хватки.

Не обращая внимания на каблуки и жару, я перешла на бег, трюся следом за Генералом Ли, и вскоре вместе с ним свернула за угол, радуясь тому, что дом на Трэдд-стрит тоже скрылся за углом.

Глава 4

В понедельник я пришла на работу в семь часов утра, в надежде застать офис пустым. Мне по-прежнему требовалось все хорошенько взвесить. К окончательному решению я была ничуть не ближе, чем в тот день, когда сидела в офисе «Дрейтона, Дрейтона и Дрейтона», и мой крошечный мирок внезапно начал вращаться не в ту сторону. Я все еще спотыкалась, глядя, куда поставить ногу. У меня было такое ощущение, будто я шагаю вверх по едущему вниз эскалатору.

От Софи никакого толку. Когда мы попрощались с ней на Трэдд-стрит, она ничего не сказала, за исключением одной фразы, когда уже запрыгнула в свой «Фольксваген»-«жук».

– «Да благословит вас Бог, Мелани. Все мои последние надежды я возлагаю на вас», – процитировала она письмо Невина Вандерхорста, хлопнув дверцей, отчего ярко-желтые цветы в вазочке на приборной доске тотчас возмущенно закачались, и умчалась прочь.

Поставив пакет с пончиками и стаканом латте из пекарни Рут, я села за стол и включила компьютер. Я только начала открывать пакет, когда, с клюшкой для гольфа в одной руке и небольшой стопкой розовых сообщений в другой, вошла Нэнси Флаэрти.

Я удивленно подняла глаза.

– Почему ты здесь в такую рань?

– Видишь ли, мистер Гендерсон разрешил мне в субботу уйти пораньше, потому что у меня в гольф-клубе был турнир. Я сказала ему, что отработаю ранний уход, придя на работу пораньше. – Она улыбнулась. – Не волнуйся, я не буду тебе докучать. Я просто хотела отдать тебе эти сообщения. Три из них от Джека Тренхольма.

Ее улыбка стала еще шире.

– От кого?

– От Джека Тренхольма. Он писатель. Пишет книжки о тайнах далекого прошлого. Они всегда в списках бестселлеров. А еще он абсолютный красавчик, если судить по фото на задней обложке его книг.

Я понятия не имела, о ком она. Единственное чтение, на которое у меня оставалось время, это ежедневные «Пост» и «Курьер» и новые списки недвижимости. В мои мысли вторглось небольшое, но упрямое воспоминание. Я подалась вперед.

– Когда я была маленькой, лучшей подругой моей матери была некая миссис Тренхольм, но, наверно, это довольно распространенная фамилия. И я не припомню, чтобы у нее был сын. Но даже если и был, с какой стати он стал бы звонить мне?

– Вероятно, он на несколько лет моложе тебя, поэтому в детстве ты не обращала на него внимания. Или же он не имеет отношения к подруге твоей матери.

Прислонив клюшку к моему столу, Нэнси принялась перебирать сообщения.

– Посмотрим. Он трижды звонил вчера – в воскресенье. Похоже, ему не терпится поговорить с тобой. Меня на работе не было. Иначе я допросила бы его по полной программе и узнала бы не только почему он звонит, но и какое нижнее белье предпочитает.

Я потянулась за сообщениями.

– Спасибо, Нэнси. Я позвоню ему сегодня.

– Возможно, он увидел твое фото в одном из объявлений и хочет попросить тебя о встрече.

– Верно. Как и то, что в один прекрасный день гольф заменит бейсбол в качестве национального вида спорта.

Нэнси покачала головой.

– Эх ты, малOVER. Тебе всего тридцать девять, и у тебя сногсшибательная фигура. – Она покосилась на пакет с пончиками на моем столе. – Хотя один Бог знает, почему. Если бы ты не отпугивала всех, у тебя не было бы отбоя от кавалеров.

Я принялась перебирать оставшиеся сообщения.

– Постараюсь об этом не забывать, Нэнси. А теперь, пожалуйста, займись своей работой, не буду тебе мешать. – Я мягко улыбнулась ей.

Она проигнорировала мою просьбу.

– Ты прекрасно общаешься с мужчинами, когда дело касается работы, но в личной жизни ты – безнадежный случай. Вероятно, тебя так воспитывали, но стоит на горизонте замаячить подходящему мужчине, как ты по какой-то причине так и норовишь вновь превратиться в девочку-подростка.

Я раздраженно посмотрела на нее.

– В самом деле? Неужели между играми в гольф у тебя было время посещать курсы психологии?

– Думаю, тебе просто нужно почаще выходить из дома, так сказать, тренировки ради, – продолжила Нэнси, даже глазом не моргнув. – Вот увидишь, ты вскоре обнаружишь, что и за стенами офиса есть жизнь, и, возможно даже, войдешь во вкус.

Я взяла телефон и принялась набирать номер, в надежде на то, что она поймет намек. Но она даже не шелохнулась. Я удивленно подняла брови.

– Тут есть сообщение от одной пары из Северного Чарльстона, – добавила Нэнси, опираясь на мой стол и указывая на кучу розовых бумажек. – Я приняла его в субботу днем. Похоже, что они пересмотрели свои финансовые возможности и готовы взглянуть на дома на острове Дэниэл, которые ты обсуждала с ними.

– Спасибо, но я прочту сообщения сама. И обязательно им позвоню.

– Нет проблем, – сказала она, отходя от моего стола и вертя в руках клюшку. – Не забудь позвонить Джеку Тренхольму.

Я не удостоила ее комментарий ответом и, положив трубку, посмотрела на электронный календарь, чтобы уточнить, какие встречи запланированы у меня на этот день. На утро были назначены лишь три предварительных показа, зато вторая половина дня была забита под завязку. Мне предстояло показать несколько домов некоему холостому профессору по имени Чэд Араси, который решил перебраться в Чарльстон из Сан-Франциско, чтобы преподавать историю искусств в местном колледже.

Исходя из наших длительных телефонных переговоров, в которых он почти каждое предложение заканчивал словом «круто», я решила сузить поиск, ограничившись новыми модными кондоминиумами и стильными лофтами, в которые были превращены склады на Ист-Бэй-стрит. Мои вечерние часы, как обычно, были совершенно ничем не заняты. От нечего делать я могла бы навести порядок в ящике с носками.

Я уже потянулась к телефону, чтобы позвонить Чэду и подтвердить нашу первую встречу, когда рядом с моим столом вновь возникла Нэнси и со шлепком положила на столешницу толстенную книгу в твердом переплете.

– Я погуглила и узнала, что он холост и живет во Французском квартале.

– Кто?.. – Но она, не дослушав моего вопроса, ушла. Я, положив трубку и взяв со стола книгу, прочла название: «Помните Аламо: Что на самом деле случилось с Дейви Крокеттом». Под заголовком огромным шрифтом было напечатано имя автора – Джек Тренхольм. Я была уверена, что не знакома с ним, хотя фамилия была на слуху.

Тренхольм. Тренхольм. Я несколько раз повторила его фамилию – вдруг что-то такое вспомнится, но мой разум оставался пуст. Я перевернула книгу, чтобы прочесть текст на задней обложке, и столкнулась лицом к лицу с глянцевым черно-белым портретом автора.

Как незамужняя, ориентированная на карьеру женщина, которой скоро стукнет сорок, я бы предпочла сказать, что не падка на смазливые лица и стараюсь не выходить за рамки деловых отношений. Но мистер Тренхольм... Скажем так, я вновь перенеслась в шестой класс, готовая растаять от счастья из-за того, что Неду Кэмпбеллу дали в коридоре шкафчик рядом с моим.

Его лицо было из числа тех великолепных американских мужских лиц, которые возвещали миру о том, что перед вами мастер на все руки: умеет играть в футбол, печь торт, дарить вам розы и ни с чем не сравнимые ощущения в постели. Внезапно до меня дошло, что у меня есть его номер телефона и что он позвонил мне первым.

Держа книгу в руке, я долго смотрела на снимок, вспоминая, как Нэнси говорила о том, что мне пора перестать отпугивать от себя мужчин и поразмыслить о личной жизни, вернее, о ее отсутствии. Закрыв книгу, я покопалась в розовых листочках, рассыпанных по моему столу, пока не нашла нужный, и, боясь передумать, схватила телефон. Но не успела я набрать номер, как Нэнси позвонила мне по внутренней связи.

– Я же говорила.

Не ответив ей, я в очередной раз положила телефонную трубку и, взяв мобильник, пошла в кабинет мистера Гендерсона, чтобы, закрыв дверь, поговорить наедине.

Я сделала глубокий вдох и притворилась, будто это деловой звонок. Быстро набрав номер, написанный на розовом листке, я подождала, пока после девятого гудка не заговорил автоответчик. Предположив, что писатель любит вставать рано и, следовательно, когда я звонила ему, он, возможно, был в душе, я, не оставив сообщения, повесила трубку. Впрочем, вскоре я повторила попытку, полагая, что у него было достаточно времени, чтобы закончить водные процедуры. На этот раз мои усилия были вознаграждены голосом на другом конце линии.

– Кто это, черт возьми? Вы знаете, который сейчас час?

Я застыла в ужасе. Мои губы, впервые за всю мою жизнь, не смогли выдать ни единого саркастического комментария. В этот момент я должна была сделать то, что на моем месте сделала бы любая уважающая себя женщина, – повесить трубку. Но Нэнси Флаэрти была права: внезапно я превратилась в двенадцатилетнюю девчонку, которая впервые звонит мальчику. По причинам, не известным мне самой, я решила замаскировать голос, чтобы он прозвучал как нечто среднее между мексиканской служанкой и российским дипломатом.

– Извините. Ошиблась номером, – прошамкала я.

– Погодите. «Риелторское агентство Гендерсон». Мне знакомо это название...

Вот же дерьмо! Сработал определитель номера.

– Минуточку, сэр, сейчас соединю вас с мисс Миддлтон.

Я на пару секунд прикрыла трубку рукой, затем снова приложила ее к уху и нажала кнопку соединения, чтобы на том конце прозвучал характерный сигнал.

– Привет, это Мелани Миддлтон. Могу я поговорить с Джеком Тренхольмом?

– Это я.

Я отчетливо услышала журчание унитаза, а за ним – звук воды из крана.

– Я – сотрудница агентства недвижимости Гендерсона, и я отвечаю на ваш телефонный звонок.

Шум воды прекратился.

– Да, спасибо, что перезвонили мне.

У него было что-то во рту, что мешало ему говорить отчетливо.

– Надеюсь, я звоню вам не слишком рано. Вчера вы оставили три сообщения, и я подумала, что это что-то срочное.

Он ответил не сразу. Мне было слышно, как он чистит зубы. Наконец он прополоскал рот и выплюнул изо рта воду.

– Ничего страшного. В любом случае мне пришлось встать, чтобы ответить на ваш звонок.

Я почувствовала, что краснею от уха до уха.

– Послушайте, – раздраженно сказала я, – вместо того чтобы брать телефон с собой в душ, не проще ли перезвонить мне, когда у вас будет свободное время?

Когда он заговорил, мой палец уже был на красной кнопке.

– Потому что в этом случае вы упустите удовольствие представить меня голым.

Я была готова провалиться от стыда, потому что именно этой игре воображения я только что предалась.

– Простите? Из всех высокомерных...

– Ладно, извините. Просто я не в духе. Поздно лег и не ожидал, что меня поднимут в такую рань. Мы можем начать наш разговор снова?

Вспомнив, что сказала мне Нэнси, я глубоко вздохнула. Так и быть, попытка не пытка, даже если это убьет меня.

– Ну, хорошо. Это Мелани Миддлтон, и я отвечаю на ваш звонок.

– Спасибо, что перезвонили мне, Мелли. Я хотел бы договориться о встрече с вами, чтобы побеседовать о недвижимости в вашем городе.

Меня никто не называл Мелли.

– Планируете переезд?

– Может быть. Скажем так, я сейчас изучаю варианты.

– Понятно. – Поймав себя на том, что сижу на столе босса и рисую сердечки на его пресс-папье, я поспешила встать. – Скажите, что вы ищете?

– О, это не телефонный разговор. Почему бы нам не встретиться... как насчет ужина сегодня?

«Ты профессионал, Мелани», – напредила я себе, заставляя голос сохранять спокойствие.

– Сегодня вечером? Одну минутку. Проверю свой календарь. – Нажав на телефоне кнопку отключения звука, я усталилась на секундную стрелку часов. Выждав целых пятьдесят девять секунд, я отпустила кнопку. – Извините, что заставила вас ждать. Пришлось кое-что утрясти, чтобы разгрузить график. Какое время вас устроит?

– Как насчет семи часов? Я заберу вас, если вы дадите мне адрес. – Он, должно быть, почувствовал мое колебание, потому что тут же добавил: – Не волнуйтесь, я не психопат. Моим родителям принадлежит антикварный магазин на Кинг-стрит, и, если хотите, можете поговорить с моей матерью. Она даст мне положительную рекомендацию.

Я хорошо знала этот магазин, хотя могла позволить себе лишь полюбоваться на выставленный в его витринах превосходный английский и французский антиквариат. К тому же Джек – известный автор. Если кому и опасаться навязчивой поклонницы, так это ему.

Я дала ему свой адрес и уже собиралась положить трубку, когда он заговорил снова:

– Кстати, Мелли?

– Да?

– Работайте над своим акцентом. Он ужасен.

Не говоря ни слова, я отключилась и еще какое-то время стояла посреди пустого кабинета, пока не убедилась, что цвет моего лица вернулся в норму.

* * *

Я стояла перед зеркалом, любуясь маленьким черным платьем, которое обошлось мне почти в целую комиссию от сделки. Но когда я повертелась, глядя, как скользкий шелк облегает мое тело, стало ясно, что деньги потрачены не зря.

День выдался неплохим. Мой профессор истории искусств, Чэд, оказался идеальным клиентом: ему понравилось все, что я ему показала, и в данный момент он разрывался между двумя лофтами рядом с Рейнбоу Роу. Когда я встретила с ним утром, он был в сандалиях, обрезанных джинсах, пестрой рубашке и с волосами, забранными в хвост. Он поцеловал меня в знак приветствия в обе щеки. Когда же он извинился за то, что опоздал на несколько минут, так как слегка затянулся его сеанс йоги, я тотчас поняла, что должна познакомить его с Софи. Найти ей собрата по духу – это самое малое, что я могла сделать в знак благодарности за то, что она взяла Генерала Ли, пока я не решила, что с ним делать. Я уже в муках планировала их свадебные торжества, когда раздался звонок в дверь.

Защелкнув на шее жемчужное ожерелье бабушки Миддлтон, я, шелестя шелком, подошла к двери и, еще разок поправив ладонью свою элегантную прическу, проверив, как та держится, открыла дверь.

Мое первое впечатление свелось к тому, что фото на обложке книги мало что говорило о его внешности. Он был высокого роста, дюйма на четыре выше меня, и его ярко-голубые глаза смотрели на меня с тем же искренним удивлением, с каким я смотрела на него.

На нем была накрахмаленная белая рубашка, рукава которой он закатал до локтей, шорты цвета хаки и мокасины на босу ногу. А еще я заметила, что он моложе меня. Затем мелькнула мысль о том, что он одет для посиделок с друзьями в пивной, я же – для торжественного обеда в дорогом ресторане.

– Подождите, я забыла сумочку, – сказала я, прежде чем он успел открыть рот, и захлопнула дверь прямо у него перед носом. Что теперь? Слегка задетая тем, что мои ожидания оказались завышены, я была готова открыть дверь и отчитать его за то, что он посмел ввести меня в заблуждение. Вместо этого, вспомнив свою миссию, я встала перед закрытой дверью и быстро провела пальцами по волосам, выпуская на волю шпильки. Те стайкой разлетелись во все стороны.

Убедившись, что в волосах не осталось ни единой, я тряхнула головой, придавая волосам непринужденную растрепанность, схватила стоявшую на столике сумочку и открыла дверь.

Если это поможет мне преодолеть психологический барьер, то пусть так оно и будет. Я спокойно улыбнулась и протянула руку.

– Еще раз извините. Я – Мелани Миддлтон.

Его улыбка была идентична той, которую я видела на обложке книги. Я даже предположила, что он специально тренировался, чтобы довести ее до совершенства. Не будь я лично стью сильной и волевой, я бы тотчас влюбилась в него.

Его рукопожатие было сильным и твердым и длилось слишком долго.

– Приятно познакомиться, Мелли. Отличное платье, между прочим.

– О, спасибо, – сказала я и улыбнулась; мое довольно низкое мнение о новом знакомом поднялось на несколько отметок. Мы вышли из дома и зашагали по улице к его машине. – Кстати, меня никто не называет Мелли.

Он остановился перед блестящим черным «Порше» и открыл дверь со стороны пассажирского сиденья.

– Но вы похожи на Мелли.

Скользнув на кожаное сиденье, я смущенно посмотрела на него.

– Но вы называли меня Мелли еще до того, как увидели, когда мы разговаривали по телефону.

Нет, я не пыталась «развести» его на комплимент – отнюдь, но мне было интересно узнать, звонил ли он потому, что увидел мое фото на одном из объявлений. Не то чтобы в карточной колоде моих пороков было тщеславие, но мне уже давно никто не звонил с романтическими намерениями, и мое эго срочно нуждалось в любви и ласке.

Пожав плечами, он закрыл дверь, обошел машину и скользнул за руль.

– Что я могу сказать? Я дотошный исследователь, это моя работа. Мне хотелось узнать о вас больше. Первое, что пришло мне на ум, – это пойти в библиотеку и порыться в архивах. Поскольку вы из такой известной семьи, я знал, что непременно найду информацию про вас. Больше всего мне понравилась заметка о том, как во втором классе вы заняли второе место в соревнованиях тамбур-мажореток. Там было фото – вы вместе с вашей мамой, и я точно помню, что она называла вас «Мелли».

Я отвернулась и еле слышно произнесла:

– Я предпочитаю Мелани.

Тренхольм повернул ключ зажигания. Двигатель тихонько заурчал. Вскоре мы влились в поток вечернего транспорта, двигавшийся по мосту через реку Купер, а переехав мост, пронеслись вдоль Восточного залива и вскоре оказались в лабиринте переулков. Когда мы притормозили на знаке «стоп», я обратила внимание на полуразрушенный одноэтажный каркасный дом, чье крыльцо провисло, словно тяжелое веко.

На крыльце в кресле сидел старик в армейском камуфляже и смотрел на меня. Мне бросилось в глаза, что у него нет ног, а на лбу видна кровь от пулевого ранения. Потрясенная, я отвернулась.

– Кстати, вы прекрасно выглядите. Хотя не знаю, почему вы сменили прическу, – сказал он и снова улыбнулся своей коронной улыбкой, которая, я ничуть не сомневалась, была призвана превращать женщин в невнятно лепечущую патоку, что отнюдь не входило в мои намерения.

– Спасибо. – Я пригладила волосы. – В последнюю минуту мне подумалось, что так будет лучше.

Он кивнул, ловко ведя небольшую машинку по улице, полной заброшенных домов и ломбардов.

– Мы едем в «Черную бороду»... вы бывали там?

Разумеется, нет.

– Нет, хотя название мне знакомо. Это что-то новое?

– Не совсем. Если не ошибаюсь, это заведение существовало еще до сухого закона. Расположено вдали от туристических троп, что мне и нравится. Там подают самые лучшие вареные креветки, каких больше нигде не попробуешь.

– Прекрасно, – отозвалась я. Если честно, я сильно сомневалась, что вареные креветки – идеальная вещь для первого свидания, с содроганием представив собственную улыбку с застрявшими между зубами креветочными ножками.

Джек въехал на парковку перед заведением, которое я могу описать только словом «дыра», и выключил двигатель. К сожалению, я хорошо знала это место, хотя никогда не бывала внутри. Рядом со стеной, слившись в страстных объятиях и в не менее страстном поцелуе, стояли мужчина и женщина. Хотя оба были полностью одеты, это было очень похоже на секс. Изнутри доносились громкая музыка и пьяный смех. Я оглянулась, нет ли поблизости другого заведения, куда можно было бы пойти вместо «Черной бороды». А когда снова повернулась к Джеку, то, к великому своему изумлению, обнаружила, что он наклонился ко мне.

Не говоря ни слова, он вытащил из моих волос две шпильки и протянул их мне.

– Вы забыли их.

– Спасибо, – ответила я, хватая шпильки и вновь переключая внимание на бар, рядом с которым мы припарковались. Вывеска над дверью гласила: «Бар и гриль «Черная борода». Картинки жареного лосося и черепашого супа мгновенно испарились, вытесненные картинкой огромного пластикового нагрудника, способного накрыть все мое дизайнерское платье, ибо в мои планы не входило заляпать его креветками.

Бросив взгляд в сторону улицы, я нигде не заметила хорошо знакомый темно-синий «Бьюик Лесабр» 1986 года выпуска, который мне меньше всего хотелось увидеть.

- Нам сюда? – Похоже, я не сумела скрыть свой ужас.
- Поверьте мне, вам понравится. Вкусная еда, да и атмосфера не так уж плоха.
- По сравнению с чем? – буркнула я под нос, позволив Джеку повести меня в бар.

Интерьер заведения определенно был шагом вперед по сравнению с его внешним видом. Не знаю, ожидала ли я увидеть застеленный тростником земляной пол, но тем не менее я была приятно удивлена, увидев вместо этого начищенные до блеска доски пола. Несколько посетителей обернулись, чтобы поздороваться с Джеком, и он, отвечая на приветствия, назвал каждого по имени. Окинув взглядом заведение и не увидев знакомых лиц, я с облегчением вздохнула.

В нашу сторону тотчас засеменила услужливая барышня. Делать более широкие шаги ей явно мешал внушительных размеров бюст, который невольно привлек к себе внимание – и немалое – моего спутника.

Она подвела нас к чистому столу в дальнем углу зала. Группа музыкантов исполняла южный рок, правда, не слишком громко, чтобы не мешать разговорам посетителей. Положив на стол два закатанных в пластик меню, девушка поцеловала Джека в губы, после чего, покачивая бедрами в старом как мир ритуале человеческого спаривания, удалилась, чтобы принести нам напитки.

Заставив себя, наконец, оторвать взгляд от бедер официантки, Джек вытащил для меня стул. Я села, правда, перед этим незаметно вытерла сиденье. Мой спутник пододвинул свой стул к столу.

– Ну как? Согласитесь, здорово!

– О, безусловно, – ответила я, озираясь по сторонам и ругая себя за то, что не захватила влажные антибактериальные салфетки. Стены заведения были сплошь в ярких пивных наклейках и увешены сушеными головами аллигаторов, один из которых, похоже, тарасился на меня с нездоровым интересом. Группа мужчин у стойки с громкими возгласами подняла пивные бутылки, провозглашая тост за одного из своей компании, который сидел и потому был мне не виден.

Заставив себя улыбнуться, я пробежала глазами меню, пытаюсь найти что-нибудь безопасное. Когда официантка вернулась, чтобы взять у нас заказ, я выбрала сэндвич с курицей и рис на гарнир.

Джек, похоже, удивился.

– Не любите креветки?

– Люблю, но...

Он махнул рукой.

– Тогда вы должны их попробовать.

Он повернулся к официантке:

– Ведерко для двоих, пожалуйста, с красным картофелем, хлебом... и двойной порцией масла.

Я с раздражением посмотрела на него, но свои мысли оставила при себе, памятуя, как Нэнси сказала о том, что я не должна отталкивать от себя людей. Хотя, когда я увижу ее снова, непременно спрошу, каких глубин падения я должна достичь, прежде чем смогу претендовать на успех.

Я потягивала свой сладкий чай, Джек пил кока-колу. Я натужно пыталась вспомнить, захватила ли я с собой зубную нить, когда он задал мне вопрос:

– Скажите, как вы познакомились с Невинном Вандерхорстом?

– Не поняла?

– Он оставил вам в наследство свой дом, не так ли? Хотелось бы знать, как вы познакомились с ним.

Возможно, Чарльстон и мнит себя большим городом, но на самом деле это большая деревня, где сплетни распространяются через забор быстрее, чем электронная почта.

– Я с ним не знакомилась. Я приехала к нему, чтобы получить разрешение на внесение его дома в наш реестр, на тот случай, если он захочет переселиться в дом престарелых. А через пару дней мне говорят, он умер и оставил свой дом мне в наследство.

Джек медленно кивнул и с прищуром посмотрел на меня.

– Что ж, это первый подобный случай. Я исследовал истории, в которых люди оставляли наследство кошке, или собаке, или даже морской свинке, но никогда не слышал, чтобы наследство оставляли посторонним людям. – Он хитро улыбнулся. – И когда же вы переезжаете?

Хрупкий образ свидания моей мечты разрушился вдребезги. Я откинулась на спинку стула, стараясь не думать о зря надетом дорогом платье или о пустых датах в своем календаре.

– Вы привезли меня сюда, чтобы поговорить о недвижимости?

Ему удалось изобразить что-то похожее на неловкость.

– Отчасти. Ваш новый дом на Трэдд-стрит – это недвижимость, верно?

– Это не мой дом, я пока еще не дала согласия.

Я пристально посмотрела на него, отметив, как красиво сидит рубашка на его мускулистых плечах, и даже пожалела о том, что собралась сказать. Но унижение моих собственных глупых желаний подпитывало уязвленное самолюбие.

Я отодвинула стул.

– Послушайте, из вашей затеи ничего не выйдет. Если вы хотите узнать что-то о доме, позвоните адвокату мистера Вандерхорста. А я сейчас вызову такси.

Он крепко схватил меня за руку, не давая встать.

– Извините. Наверно, я зря не предупредил вас сразу. Дело в том, что у вас репутация особы суровой, и я подумал, что единственный способ склонить вас к разговору со мной – это пригласить в располагающее к этому место. – Он широко улыбнулся. – Серьезно, я не хотел вас обидеть. К тому же, судя по вашему фото в рекламных объявлениях в газетах, я подумал, что сделать это будет несложно.

Мое уязвленное эго отказалось клонуть на эту наживку.

– Я не печенье, так что вам не подмазаться ко мне. Доброй ночи.

Я попыталась вырвать руку, но он сжал ее, словно в тисках.

– Прошу вас. Раз мы уже здесь. Давайте поедим и поболтаем. Возможно, я даже получу всю необходимую информацию, и вам больше не придется видеть мое лицо.

Официантка вернулась с ведерком креветок, красным картофелем и двумя пластиковыми нагрудниками. У меня мгновенно потекли слюнки.

– Не знаю...

Джек наверняка уловил мою нерешительность, потому что наклонил ведерко, чтобы я смогла увидеть толстые отварные креветки и вдохнуть аромат специй. Наши взгляды встретились. Что ж, провести вечер в его компании в целом не худший способ скоротать время.

Я села на место.

– Ладно, раз вы уже взяли на себя такие труды, можно и поговорить. Но я должна сказать, что мне почти ничего не известно о доме, кроме того, что он рассыпается в прах, и я не хочу иметь с ним ничего общего. Завтра я должна принять решение, беру я его или нет. Скажу честно, я до сих пор в раздумье.

Джек уперся локтями в столешницу и подался вперед.

– Разумно. Но я хотел бы кое-что сказать вам. Я работаю над замыслом следующей книги. Дело в том, что в девятьсот тридцатом вокруг вашего дома ходило немало слухов. Преданная жена и мать якобы убежала с другим мужчиной, бросив восьмилетнего сына. Поговаривали, что законный муж был бутлегером, кроме того, существуют самые невероятные домыслы о том, что на самом деле случилось с его женой. Я надеялся, что мистер Вандерхорст рассказал вам что-то такое, что могло бы дать мне зацепку.

Джек вновь улыбнулся своей подкупающей улыбкой, и я бы солгала, сказав, что устояла перед ней.

– Обещаю, что не стану истязать вас. Возможно, вы даже обнаружите, что приятно проводить время, пока я выуживаю из вас информацию.

Я покосилась на соседний столик, на который официантка ставила соблазнительный шоколадный торт.

– Ну, хорошо. Но у вас в запасе всего... – я посмотрела часы, – два часа и девятнадцать минут. В девять тридцать я должна быть дома в постели.

– Заметано. Мы будем есть и говорить. Дайте мне вашу тарелку. – Он наложил мне креветок, я тем временем закрепила на шее нагрудник. – Вы когда-нибудь слышали про Джозефа Лонго?

– Не припоминаю. Я должна что-то о нем знать? – Вдыхая аромат специй, я посмотрела на горку лупоглазых обитателей морского дна на своей тарелке и принялась очищать их от розовых панцирей. Мне было все равно, как я смотрелась за этим занятием. В конце концов, я не на свидании, сказала я себе, и мне не нужно никого к себе располагать.

– Если вы что-то слышали об истории вашего дома, то да. Во время сухого закона Лонго заправлял практически всей организованной преступностью в городе – проституцией, бутлегерством, азартными играми. И был увлечен знаменитой чарльстонской красавицей Луизой Гиббс.

– Понятно. И как это связано с моим домом?

Он лукаво посмотрел на меня.

– С моим домом, я не ослышался?

Я намазала маслом ломоть кукурузного хлеба.

– Вы знаете, что я имела в виду.

Джек кивнул и взял большую креветку.

– Мисс Луиза Гиббс была помолвлена с Робертом Вандерхорстом, отцом покойного Невина Вандерхорста.

Прежде чем продолжить, он допил свое пиво.

– Согласно моим данным, Джозеф не прекратил оказывать знаки внимания прекрасной мисс Луизе даже после того, как та вышла замуж, хотя все считали, что она очень любит своего мужа. Похоже, Лонго не привык получать отказ.

– Типично мужское поведение.

Джек выгнул бровь, но от комментариев воздержался.

– Во всяком случае, у Луизы был сын, и она казалась весьма довольной своей жизнью. По крайней мере, пока ее сыну не исполнилось лет восемь. Вскоре после краха фондового рынка, в двадцать девятом году, Луиза исчезла, бросив единственного ребенка. Исчез и Джозеф Лонго. Поговаривали, будто они сбежали вместе.

Вскоре после краха фондового рынка она исчезла, бросив единственного ребенка. Внезапно у меня отшибло аппетит.

– Ее в конце концов нашли?

Джек вынул из панциря креветку и поднес ее ко рту.

– Нет. Никаких следов ни ее, ни мистера Лонго. Оба как в воду канули, с тех пор их никто не видел, и они ни разу не дали о себе знать.

Я сделала долгий глоток сладкого чая, пытаясь прогнать горьковатый привкус утраты и одиночества, который, казалось, прилип к моей гортани, и положила ладони на стол, чтобы унять в них дрожь.

– Сомневаюсь, что сын хотя бы на миг поверил, что мать его бросила.

– Почему вы так говорите?

– Мистер Вандерхорст оставил мне письмо. В нем он сообщил, что мать любила дом так же сильно, как и его самого, но люди в это не верили, потому что она отказалась от них обоих. – Закрыв на мгновение глаза, я представила себе крупный, уверенный почерк. Я столько раз перечитала это письмо, что бумага стала мягкой.

– Он сказал, что за этой историей кроется нечто большее, и, возможно, судьба привела меня к нему, чтобы узнать правду. Чтобы его мать наконец упокоилась с миром.

Забыв про креветок, Джек откинулся на спинку стула.

– Звучит, как история о привидениях. Вы что-нибудь видели или слышали?

Я испуганно взглянула на него.

– Нет, конечно. Почему вы спрашиваете?

Он скрестил руки на груди и в упор посмотрел на меня.

– Ваша мать была довольно известной личностью... У нее было нечто такое, это можно назвать шестым чувством. Из того, что я читал о ней, можно предположить, что ее постоянно приглашали на вечеринки. И я подумал: если то, что рассказывали о ее способностях, хотя бы отчасти правда, вдруг вы унаследовали какие-то из них. Уверяю вас, вы бы помогли мне сэкономить массу времени, которое я трачу на исследования, если бы напрямую спросили источник. Ну, вы, понимаете, что я имею в виду.

Я с такой силой прижала руки к столу, что кончики пальцев побелели.

– Не думаю, что подобные вещи передаются с генами – если вы в такое верите.

Подошла официантка, и я попросила ее унести мою, еще наполовину полную, тарелку.

– Мистер Вандерхорст говорил что-то еще? О каких-нибудь ценных вещах или драгоценностях, которые могут быть в доме?

– Ничего, – удивленно ответила я. – Он завещал мне все, но не упомянул ни о какой конкретной вещи. – Я с подозрением посмотрела на собеседника. – Почему вы спрашиваете? Есть что-то такое, о чем я должна знать?

Джек пожал плечами.

– Нет, просто интересно. Поскольку он оставил вам дом, практически ничего о нем не сказав, мне было любопытно, что же он все-таки счел нужным упомянуть.

«Вы видели ее? В саду – вы видели ее? Она является только тем, кого она одобряет».

Джек посмотрел на мои руки и потянулся, чтобы взять их в свои.

– Они похожи на ледышки.

– Я вообще натура холодная. У меня всегда холодные руки и ноги.

Джек удивленно выгнул бровь.

– Я должен как-то отреагировать на это?

Я попыталась высвободить руки, но он не дал мне это сделать.

– Ну, так как? Мы могли бы работать вместе. Вы даете мне доступ в дом, я же делюсь с вами своими находками. К тому же у меня есть опыт по части реставрационных работ. Я помогал декораторам с отделкой своей квартиры во Французском квартале, а мои родители – ходячая энциклопедия в том, что касается старых вещей.

– А как насчет того, что я больше не увижу вас?

– Я это сказал?

– Представьте себе. Собственно, именно поэтому я согласилась остаться и поужинать с вами сегодня вечером.

Он сделал вид, будто задумался.

– Но разве вам не кажется, что было бы гораздо веселее стать партнерами и заняться домом вместе? Я бы получил нужную для книги информацию, а вы – ответы для мистера Вандерхорста.

У стойки бара шумная компания мужчин громко смеялась над анекдотом, который рассказывал один из них. Обернувшись через плечо туда, где толпа была реже, я увидела, как на

табурет сел мужчина в старой армейской форме. В моем желудке мгновенно разверзлась яма ужаса.

Джек отпустил мою руку и посмотрел на часы.

– Сорок пять минут, Мелли. Честное слово, мне не хотелось бы на вас давить, но, по моему, мы оба знаем, каков будет ваш ответ.

Оглушительный хохот у стойки не давал говорить. Вновь посмотрев на подвыпивших балагуров, я увидела, что человек в военной форме попытался встать, но упал и потянул за собой табурет.

Вновь повернувшись к Джеку, я пристально посмотрела на этого самоуверенного, почти надменного красавца. В моем мозгу тотчас возник крупный, уверенный почерк мистера Вандерхорста.

«За этой историей кроется нечто большее, хотя я не смог понять, что именно. Возможно, судьба привела вас в мою жизнь неспроста, чтобы вы узнали правду и мать, после всех этих лет, могла бы наконец обрести покой. Да благословит вас Бог, Мелани. Вы моя последняя надежда».

Услышав звон бьющегося стекла, мы оба вскочили. Оглянувшись, я увидела, что мужчина в форме попытался встать, но, похоже, не смог ухватиться за стойку и снова соскользнул на пол, увлекая за собой несколько бутылок пива.

Я смотрела на него, на все еще пышную гриву седеющих волос, на тонкие, резкие черты лица, которые алкоголь как будто смягчил, словно шпатель мокрую глину, и ощутила знакомый прилив стыда, смешанного с бессилием. Не говоря ни слова, я направилась к бару, Джек – следом за мной.

– Вы считаете, что без вас тут не обойтись, Мелли? Мне кажется, у парня полно друзей, чтобы помочь ему.

Я встала над мужчиной, глядя, как по его рубашке цвета хаки расплзается мокрое пятно пива, распространяя позор, словно алая буква на груди.

– Джек, не могли бы вы довести его до вашей машины, а я пока позвоню мистеру Дрейтону и скажу ему, что подпишу бумаги?

Джек Тренхольм с недоумением посмотрел на меня.

– Вы знаете этого человека?

Я опустилась на колени.

– Джек Тренхольм, знакомьтесь, это полковник Джеймс Миддлтон. Папа, это Джек Тренхольм. Он отвезет тебя домой.

Отец поднял взгляд. Его налитые кровью карие глаза посмотрели на меня. По крайней мере, в нем еще оставалось нечто такое, из чего я поняла: ему стыдно.

– Извини, Мелани. Я думал, что пропущу всего одну, – сказал он, едва ворочая языком, отчего слова цеплялись и натывались друг на друга, словно падающие костяшки домино.

Джек прикоснулся к моей руке.

– Я позабочусь о нем. А вы идите, звоните. – Он вновь одарил меня своей коронной улыбкой. – Мы теперь партнеры, помните?

Я шутиливо закатила глаза, признавая капитуляцию.

– Да, великолепно. Только проследите, чтобы его основательно вырвало прежде, чем он сядет в ваш «Порше».

Оставив их, я вышла на липкий воздух летнего Чарльстона и, набрав полные легкие, попыталась выдохнуть все разочарования и беспомощность, которые носила в себе тридцать три года. Затем вытащила из сумочки мобильный телефон и набрала номер мистера Дрейтона.

Глава 5

Через три дня после моего обращения «в истинную веру» в «Черной бороде» я стала владелицей древней кучи трухлявых пиломатериалов, получив в качестве обременения собаку, домработницу и чувство вины длиной с реку Купер. Позднее я не раз задавалась вопросом, как так получилось, что моя прекрасная жизнь изменилась в одночасье, и единственный ответ, который приходил мне в голову, состоял в том, что в момент слабости я позволила охмурить себя таким мелочам, как фарфор в розочку и письмо, написанное от руки на хорошей бумаге.

Я вернулась в дом на Трэдд-стрит, чтобы сражаться. Я даже захватила с собой грабли, лопату и ручной садовый инструмент с заостренными зубцами, название которого я не могла вспомнить. Все это мне одолжила наша секретарша, Нэнси Флаэрти, когда я поведала ей о состоянии сада. Более того, она даже знала, что такое «роза Луизы».

– Само существование этой розы в этом мире в твоих руках, Мелани, – торжественно изрекла она, вручая мне лопату.

Невольно почувствовав себя таким сэром Ланселотом, я закатила глаза.

– И когда только ты выкроила время на изучение садоводства?

Нэнси отказалась клюнуть на мою наживку.

– Садоводство не изучают, Мелани. – Она прижала к груди затянутый в перчатку для гольфа кулак. – Его носят вот здесь. Ты или рождаешься с ним, или нет. Кто знает? Вдруг у тебя это тоже есть.

– Я не из породы заботливых – да ты и сама знаешь. Я даже не держу дома цветы. Может, мне стоит просто замостить сад и покончить с головной болью?

Она посмотрела на меня так, словно подумала, что я шучу.

– Не торопись. Вдруг тебе понравится заниматься садом?

Взяв садовый инвентарь, я направилась к двери.

– Верно. Вдруг окажется, что я люблю старые дома, вместо того чтобы думать, что это просто огромные дыры в земле, в которые глупые люди бросают деньги, – и с этими словами я спустилась по ступенькам крыльца.

Нэнси не спешила закрыть за мной дверь.

– Случались и куда более странные вещи.

Я стояла уже на тротуаре, когда Нэнси снова окликнула меня.

– Тем более что ты ошибаешься.

Я остановилась и посмотрела на нее.

– Это в чем же?

– В том, что ты не из породы заботливых. Большинство людей на твоём месте давно бы списали твоего отца.

Не дожидаясь моего ответа, она захлопнула дверь офиса. Я осталась стоять на тротуаре, со смесью злости и восхищения глядя на закрытую дверь. Постояв так еще минуту, с робким чувством надежды, кто знает, вдруг я не так уж безнадежна в том, что касается домашнего садоводства, я зашагала по улице к машине.

Увы, стоя по другую сторону калитки дома номер 55 по Трэдд-стрит, я уже точно знала: Нэнси ошиблась. И вновь мысленно вернулась к своей идее замостить сад. Тем более что идея эта была куда лучше других вариантов.

Открыв калитку, я шагнула в нее, в очередной раз отметив, как легко, без каких-либо протестов, та распахнулась на старых петлях. Я постояла мгновение, прислушиваясь. К моему великому облегчению, не услышав ничего, кроме пения птиц и гудения пчел, я направилась в боковой сад с его внушительными зарослями сорняков и заброшенным фонтаном.

Запах роз был сильным, но не удушливо-приторным. Скорее, это было похоже на приятное воспоминание, например, о том, как любимая бабушка укладывала вас вечером спать. У меня не было такого воспоминания, но аромат, которым был пронизан этот уголок сада, дарил мне странное умиротворение.

Я поставила сумку, которую дала мне Нэнси, избегая смотреть в глаза несчастному херувиму, снова обошла фонтан и, топчя кедами высокие сорняки, вскоре оказалась посреди розового сада. В очередной раз удивившись тому, какой сильный запах издавали всего четыре куста роз, я наклонилась, чтобы выдернуть сумевший пробиться сквозь свежую кедровую стружку сорняк. Впрочем, тотчас заметив другой, я наклонилась, чтобы выдернуть и его. Толком не осознавая, что делаю, вскоре я уже была рядом с фонтаном, исполненная решимости избавить его от сорняков.

Не знаю, как долго длилась эта борьба, но ближе к ее концу я ощутила, что я не одна. Я остановилась и медленно выпрямилась. После длительного пребывания в наклонном положении моя бедная спина запросила пощады. Ощущая затылком знакомую щекопку, одновременно жаркую и холодную, я повернулась туда, где раньше видела качели, женщину и маленького мальчика.

Впрочем, я уже знала, что их там не увижу. Не было никакого скрипа веревки о ствол дерева, даже птичьего чириканья я не услышала. Даже розы пахли иначе: аромат свежих цветов сменился запахом мертвых, гниющих лепестков, слишком долго простоявших в вазе с водой. Сморщив нос, я посмотрела в сторону дома. Мой взгляд привлекли окна второго этажа.

Солнце зашло за облако, и я увидела темную тень, которая, казалось, заполняла собой все окно. Тень приобрела четкие очертания человека. И хотя я не могла рассмотреть его лицо, я ощущала на себе его пристальный взгляд. Тяжелый запах в саду сделался сильнее, насыщеннее. Чувствуя, что меня вот-вот вырвет, я, пошатываясь, отошла от розового сада к ступеням, ведущим на веранду, и дрожащими руками вытащила ключ.

Отразившись от стекла с розой от Тиффани на окошке двери, сверкнуло солнце. По моему многолетнему опыту я знала, что должна выбрать одно из двух. Я могла проигнорировать наваждение в надежде на то, что оно уйдет, или же могла противостоять тому, что будет, лишь бы оно поскорее ушло. С этой мыслью я сунула ключ в замок и открыла дверь.

Внутри приторный запах гниения был даже сильнее. Зажав нос краем рубашки, я заставила себя подняться по главной лестнице и проделала путь в комнату на той стороне дома, где видела в окне зловещую тень. *«Я сильнее тебя. Я сильнее тебя»*, – тихо прошептала я себе под нос, сама не веря, что мои губы произносят слова, которым когда-то учила меня моя мать.

Встав перед дверью, я медленно повернула медную дверную ручку. Легкий толчок, и дверь на тихих петлях открылась, тихо ударившись о стену за ней. Даже не войдя, я поняла: если тут кто-то и был раньше, его уже больше нет. Я заглянула в комнату. Мой взгляд упал на просторную кровать, плотные шелковые шторы и массивный комод. Устыдившись своего любопытства, я поспешила прочь и уже прошла полкоридора, когда поняла: теперь и эта комната, и все ее содержимое принадлежат мне. Я не только могу оставить дверь открытой настежь, но и войти внутрь, не испытывая при этом чувства, будто я вторгаюсь в чужую личную жизнь.

Заставив себя остановиться у бокового окна, я сделала глубокий вдох. И вновь, к моему удивлению, ощутила аромат роз. Я на всякий случай проверила, закрыты ли в комнате окна. Разумеется, они были закрыты. Я нахмурилась, недоумевая, как может аромат роз проникать сквозь закрытое окно на второй этаж и оставаться таким сильным, как будто я уткнулась носом в цветок?

Заложив руки за спину, я обошла комнату. Похоже, это была спальня Невина Вандерхорста. Прикроватный столик и темное дерево комода напротив были уставлены черно-белыми фотографиями в серебряных рамках. Словно натуралист, который изучает под лупой бабочек,

подмечая мелкие детали, которые показывают родство между видами, я подошла ближе, чтобы рассмотреть каждую.

И, вздрогнув, поняла: женщина на многих снимках – это та самая женщина, которую я видела в саду. Было несколько фото юного Невина с той же женщиной. Все понятно: передо мной была Луиза Вандерхорст. Молодая и красивая, с большими темными глазами, точно такими же, как и у сына, и с такой же теплой улыбкой.

Была в этой коллекции и ее свадебная фотография с очень высоким мужчиной, и фото с новорожденным ребенком. В ближайшей к кровати рамке – снимок, который мистер Вандерхорст видел каждый вечер, прежде чем выключить свет, и, просыпаясь, каждое утро, – его студийный портрет в детстве, он сидел на коленях у матери. Мать и сын смотрели друг на друга и улыбались, почти соприкасаясь носами. Я взяла рамку в руки, чтобы рассмотреть ее ближе, и вдруг почувствовала, что запах роз усилился.

Я прищурилась и поднесла снимок к самым глазам, досадуя, что забыла дома очки. Впрочем, и без них мне с первого взгляда стало понятно: эта женщина не бросала своего сына. Я закрыла глаза, вспоминая слова из письма мистера Вандерхорста. Слова, которые не шли у меня из головы.

«Моя мать любила этот дом почти так же, как любила меня. Конечно, найдутся те, кто с этим не согласятся, потому что она оставила нас, когда я был маленьким мальчиком. Но за этой историей явно кроется нечто большее, хотя я так и не смог выяснить, что именно. Возможно, судьба привела вас в мою жизнь, чтобы вы узнали правду и чтобы мать наконец после всех этих долгих лет смогла обрести покой».

Я резко поставила снимок и опрокинула его. Он упал лицом вниз. Не желая больше видеть эту идиллическую картину, я не стала его поднимать. Кому, как не мне, знать, сколь обманчива может быть материнская улыбка.

Развернувшись, я опрометью бросилась вон из комнаты и, налетев в следующий миг на что-то теплое, твердое и решительно мужское, вскрикнула от неожиданности.

Сильные руки схватили меня за плечи.

– Мелли, это всего лишь я, Джек.

Я несколько долгих мгновений смотрела ему в лицо, дожидаясь, когда мое сердце наконец уgomонится, и лишь затем сбросила с себя его руки.

– Что, черт возьми, вы здесь делаете? – крикнула я, хотя нас разделяло не более фута. Я была сильно напугана, но в свое время мать крепко вбила мне в голову, что гнев способен прогнать страх. – К тому же меня зовут Мелани, – добавила я, раздраженная тем, что Джек назвал меня детским именем, что лишь подлило масла в огонь, даже если он сам этого не заметил.

– Вы ведь пригласили меня, помните? Вы сказали, что встретите меня у дома в девять тридцать.

Я взглянула на циферблат часов на комод.

– Вы опоздали. Сейчас девять сорок пять. И вообще, вы когда-нибудь слышали про дверной звонок?

Джек улыбнулся своей коронной улыбкой. Я же была вынуждена стиснуть зубы.

– Извините, что опоздал. Сегодня утром мне пришлось помогать другу в библиотеке, – пояснил он, засунув большие пальцы за пояс джинсов. Я же невольно задалась вопросом, какому «другу» он был вынужден помогать в такую рань. – Что касается того, почему я не воспользовался дверным звонком, – продолжил он, – то я просто подумал, что широко открытая дверь – это приглашение войти. Кстати, я бы не советовал вам этого делать. Учитывая все, что есть в доме, вам следует держать сигнализацию включенной, независимо от того, находитесь вы здесь или нет.

– Здесь нет никакой сигнализации. Мистер Вандерхорст сказал мне, что недавно тут был случай вандализма, но сигнализацию он устанавливать не стал.

Джек вытащил из заднего кармана небольшой блокнот и вынул из металлических колечек короткий карандаш.

– Тогда это первое, что будет в нашем списке.

Я посмотрела вверх, на потрескавшуюся штукатурку и большое темное пятно в углу комнаты, которое подозрительно напоминало плесень. Затем, слегка раздраженная упоминанием «нашего» списка, повернулась к Джеку.

– Честное слово, Джек. Здесь полно проблем посерьезнее сигнализации. Да и вообще, внешний вид дома отпугнет любых вандалов. Меня бы он точно отпугнул.

Он проигнорировал меня, продолжая делать в блокноте пометки.

– У меня есть друг в фирме, которая занимается установкой сигнализации. Я позвоню ему и буквально на днях устрою встречу.

– В этом нет необходи...

Его голубые глаза с тревогой остановились на моем лице.

– Поверьте мне, есть. – Он наклонил голову, чтобы записать в блокноте что-то еще, но на пару секунд остановился и, как будто что-то вспомнив, посмотрел на меня. – Вы сами сказали, что мистер Вандерхорст говорил о случаях вандализма. Теперь, когда вы будете жить здесь сами, меры безопасности не помешают.

Его настойчивое желание провести в дом сигнализацию показалось мне странным, но последняя фраза застала меня врасплох.

– Я не говорила, что буду жить здесь.

Он вновь встретился со мной взглядом, правда, на этот раз вопросительно выгнув бровь.

– Вы сказали, что завещание мистера Вандерхорста требует от вас прожить в доме не менее года.

В моей груди как будто лопнул и сдулся воздушный шарик. Черт, я совершенно забыла про этот чудный маленький перл. Я вновь посмотрела на плесень и трещины на штукатурке.

– Если только стены не рухнут, думаю, да, придется. – Я надула щеки и громко выдохнула. – Давайте, звоните вашему другу. Похоже, мне пора запустить руку в мешок денег. Так и быть, начнем с сигнализации. Кто знает, вдруг ее удастся спасти после того, как сам дом развалится.

С этими словами я повернулась к двери.

– Значит, это была комната Невина.

Я вновь взглянула на Джека. Он рассматривал фотографии в рамках на прикроватном столике. И даже поднял снимок Луизы и ее сына, который я опрокинула лицом вниз. Смерив меня укоризненным взглядом, он принялся изучать его.

– Они, должно быть, были близки.

Мне вспомнились собственные рождественские фотооткрытки: вот я, еще маленькая девочка, и мои родители застыли перед объективом, сияя улыбками.

– Наверно, по одному фото трудно судить.

Не ответив, Джек бережно поставил рамку на столик и окинул взглядом мебель.

– С моими родителями случился бы припадок, сумей они заполучить кое-что из этих вещей для своего магазина. Вы уже все тут осмотрели?

Я была вынуждена напомнить себе, что у него есть причина быть таким любопытным в отношении дома и его предыдущих обитателей.

– Нет. Я планировала начать пораньше, но в итоге немного поработала в саду.

– Вы не показались мне садоводом.

– А я и не садовод, – ответила я и пожала плечами. – И никогда не горела желанием получить старый дом и тем более заниматься его восстановлением. Зачем мне это?

– Мелани? Ты здесь? – раздался в прихожей голос Софи. – Ты оставила дверь открытой, поэтому я вошла.

Я раздраженно посмотрела на Джека.

– Если вы так обеспокоены тем, что сюда могут ворваться посторонние, возможно, вам стоит научиться закрывать за собой дверь?

Он опешил.

– Но я закрыл ее. И даже на всякий случай проверил. Несколько раз подвигал туда-сюда задвижку, чтобы убедиться, что ничего не заедает.

Прежде чем отвернуться, я на миг встретила с ним взглядом.

– Может, вы и подвигали задвижкой, но замок не сработал, – пояснила я, выходя из комнаты и направляясь к лестнице. Что-то подсказывало мне, что Джек поверил моим объяснениям не больше, чем я.

Стоя у начала лестницы, Софи рассматривала китайские обои, что безвольно свисали со стен, как будто устав цепляться за дом. Сегодня она была в своих вечных шлепанцах и, вопреки логике или чувству моды, полосатых гольфах и тунике-варёнке. Кудрявые волосы были собраны узлом на макушке, открывая взгляду тонкую белую шею – единственную часть ее тела, которую можно было с натяжкой назвать уязвимой. Наверно, именно контраст между твердым и мягким и привлекал к Софи мужчин. Но уж точно не ее чувство стиля.

Когда мы приблизились к ней, она даже не подняла глаз, словно зачарованная глядя на стену.

– Это же ручная роспись и, вероятно, привезена из Китая. Нет, вы только посмотрите на эту технику росписи! Напоминает мне о том времени, когда я занималась живописью и мы рисовали голых натурщиков. Вот это был опыт! Настоятельно тебе рекомендую, Мелани. Увидишь, это поможет тебе избавиться от сексуального напряжения, которое ты носишь, словно пояс целомудрия... – Подняв голову и увидев, как позади меня по лестнице спускается Джек, Софи поняла, что я не одна, и осеклась.

– Ну-ну, – сказала она с лукавой улыбкой.

Я одарила подругу взглядом, который любой нормальный человек воспринял бы как «полегче», но только не Софи. Когда Джек подошел к ней, она протянула руку.

– Доктор Софи Уоллен. Рада познакомиться.

Джек взял ее руку в обе свои и улыбнулся. Мне показалось, что от этой улыбки Софи слегка поплыла.

– Джек Тренхольм. Взаимно. Я хорошо знаком с вашей деятельностью по охране исторического наследия. Это не может не впечатлять.

Я была готова поклясться, что Софи зарделась, чего за ней отродясь не водилось.

– Спасибо. Я тоже большая поклонница вашего таланта. Особенно вашей книги «Смерть Наполеона: самоубийство или убийство». Когда вы предположили, что его убил мышьяк, которым были пропитаны обои, я была сражена наповал. Ведь это очень даже вероятно, учитывая, что никаких улик, подтверждающих самоубийство или убийство, не было. – Софи одарила Джека сияющей улыбкой. – И даже ваша книга про Аламо, несмотря на то, что произошло на ТВ, заслуживает самых добрых слов. Средства массовой информации не имели права спускать на вас всех собак, даже не ознакомившись с фактами.

– Спасибо, – сухо поблагодарил Джек, отпуская ее руки. По его лицу промелькнула тень. Не знаю, правда, заметила ли ее Софи, потому что она продолжала лучиться улыбкой. Впрочем, затем Софи повернулась ко мне и сменила тему:

– Значит, вы знакомы?

– Всего пару дней, – уточнил Джек.

– Практически не знакомы, – сказала я одновременно с ним.

Софи на мгновение нахмурилась, но затем понимающе кивнула.

– А, понятно, немного анонимного секса во второй половине дня.

– Нет! – воскликнула я.

– Не забудьте позвать меня, – одновременно сказал Джек.

Я сердито посмотрела на них обоих.

– Мистер Тренхольм... Джек пишет книгу об исчезновении Луизы Вандерхорст, матери покойного мистера Вандерхорста. Я пообещала ему доступ в дом в обмен на небольшую помощь по ремонту и кое-какую информацию.

Софи сморщила нос. Я же затаила дыхание, ожидая, когда взорвется следующая бомба, которая лишит меня остатков собственного достоинства.

– Идеально, как инь и ян, – просто сказала Софи и улыбнулась. – Скажите, Мел говорила, почему она хочет узнать, что случилось с Луизой?

– Она сказала про письмо, которое ей оставил мистер Вандерхорст. Он думал, что она сможет найти ответ на этот вопрос.

Софи снова сморщила нос. Эта привычка уже начинала меня раздражать.

– Ну, это всего лишь часть. Возможно, познакомившись с вами ближе, она расскажет вам остальное. Хотя это вряд ли тянет на интересную книгу.

Я сердито посмотрела на нее; Джек скептически выгнул бровь.

– Буду с нетерпением ждать.

От его голоса по моей спине поползли мурашки – не знаю почему, но в его словах мне послышался скрытый смысл.

Исполненная решимости не поддаваться его дешевому шарму, я расправила плечи.

– Только не задерживай дыхание. – Я сделала вид, что задумалась. – Или, лучше, наоборот.

Затем повернулась к Софи и посмотрела на блокнот в ее руках. Хотя она порой и позволяла себе глупости, однако была непревзойденным учителем: она всегда готовилась.

Софи сдула с лица прядь волос.

– Я подумала, что для начала нужно провести инвентаризацию проблемных мест. Посмотреть, что требует ремонта в первую очередь, и определиться с приоритетами.

Как будто в знак согласия, кусочек облупившейся краски выбрал именно этот момент, чтобы сорваться с потолка вниз и, спланировав, приземлиться в узел курчавых волос на макушке Софи. Та с улыбкой вытащила его из своего вороньего гнезда.

– Просто идеально! Теперь нам не нужно беспокоиться о том, что мы повредим стену, когда понадобится взять образец краски. Дом сам дал его нам!

Ее энтузиазм показался мне настолько неуместным, что я в ответ лишь скорчила гримасу.

– Ура! – воскликнула я, протягивая руку за ее блокнотом. Сняв с его обложки ручку, я открыла первую страницу и внесла пункт номер один: взять образец выцветшей краски с потолка. Узнать, можно ли заказать ее бочками.

Заметив, что Джек подглядывает через мое плечо, я тут же прижала блокнот к груди.

– Может, вы вдвоем пока займетесь этим, а я начну с чердака, буду каталогизировать личные вещи и мебель? Я на всякий случай захватил с собой «полароид», он у меня в машине. Если вдруг что-то не будет поддаваться опознанию, я всегда могу пригласить своих родителей, чтобы те взглянули.

Софи вытаращила глаза.

– Погодите минуту! Антикварный магазин Тренхольмов на Кинг-стрит? Это магазин ваших родителей?

– Да. Вы там бывали?

– То, что там продается, мне не по карману, но сам магазин я знаю. Невозможно быть знатоком архитектуры, не имея представления о мебели и аксессуарах того периода.

– Я всегда был того же мнения, – сказал Джек, и меня едва не стошнило от его очередной коронной улыбочки. – Великие умы думают одинаково?

Софи снова расцвела.

– Абсолютно. – Она повернулась ко мне: – Мне казалось, ты сегодня хотела поработать в саду.

– Уже поработала. Я приехала сюда рано и начала прополку в розовом саду. Кстати, как только я расчищу эти джунгли, то разобью там искусственный газон. По-моему, идеальное решение, не требующее больших трудозатрат на поддержание его в порядке... – Заметив, как Джек и Софи переглянулись, я не договорила.

– Что такое? – спросила я.

Софи откашлялась.

– Ты планировала работать во дворе в таком наряде?

Я посмотрела на свой топик в бело-розовую клеточку, белые брючки капри и бледно-розовые кеды.

– А что с ним не так?

На миг задержавшись на нитке жемчуга у меня шее, Джек медленно заскользил взглядом вниз, по моему телу. Мне тотчас сделалось не по себе.

– Ничего. Если ты, конечно, собралась на садовую вечеринку. – Софи шагнула вперед. – Только не надо ля-ля, Мел. Можно подумать, у тебя не найдется старых футболок и обрезанных джинсов? Ремонт в старом доме и копание в саду – жутко грязная работа. Ненароком можно даже сломать ноготь.

Я тотчас посмотрела на обломанный ноготь большого пальца, ставший жертвой моей утренней борьбы с сорняками.

– Я не собираюсь снижать свои личные стандарты из-за пары часов ручного труда. Думаю, и тебе, Софи, не помешало бы последовать моему примеру, – добавила я, многозначительно глядя на ее полосатые гольфы и старые коричневые шлепанцы.

От ее отповеди меня спас стук в дверь. Я отодвинула задвижку, сняла цепочку и открыла замок.

– Соф, это не Форт-Нокс. Достаточно одного замка.

– Но я не....

Зная, что она скажет, я не дала ей ответить. Я открыла дверь и тотчас пожалела об этом. Предо мной в чистой, отутюженной рубашке для гольфа и брюках цвета хаки стоял мой отец. Его волосы были мокрыми, как будто он только что вышел из душа.

Я взглянула на часы.

– Что-то ты рановато встал. Полдень еще не скоро.

Он посмотрел на меня глазами того же цвета, что и мои. Именно эти карие глаза, как однажды призналась мне мать, и были причиной ее влюбленности в него.

– Я не пил.

Такое я слышала уже не раз.

– Понятно, но все равно еще рано. – Я неподвижно застыла в дверном проеме, не давая ему войти. – Что ты здесь делаешь?

– Это я пригласил его, – раздался за моей спиной голос Джека. – Я подумал, что, поскольку тесемки от кошелька, так сказать, в его руках, он должен вместе с нами провести инспекцию дома, чтобы, когда мы попросим денег, он знал, на что они пойдут.

Злущая, как черт, я смерила его ледяным взглядом. Обычно я держу себя в руках; моя жизнь течет порой слишком размеренно, и я не позволяю посторонним людям и событиям вторгаться в мой мир. Во всяком случае, так было до последней недели.

– Какого черта вы приглашаете людей в мой дом без моего разрешения? И с чего это вдруг вы так озабочены его ремонтом? Я уверена, вся нужная для вашей книги информация

находится на чердаке, и поиск ее займет у вас не более пары дней. Если только в стенах не замурована карта сокровищ, о которой вы умалчиваете. Я надеюсь, вы не станете мне мешать самой разобраться во всем. Вы меня поняли?

Пару мгновений Джек колебался, – на его лице даже промелькнуло странное выражение, которое, увы, я не смогла определить, – но затем он улыбнулся и сказал:

– Вы правы. Извините. Здесь хозяйка вы. Но, поскольку ваш отец уже здесь, почему бы не позволить ему войти. На улице жарко.

Я неохотно отступила.

– Полковник Миддлтон, рад снова вас видеть, – сказал Джек, протягивая моему отцу руку. Тот с улыбкой пожал ее.

– Спасибо, что отвезли меня домой. Вряд ли бы я добрался туда сам.

– Был рад помочь. Как прошла ваша вчерашняя встреча?

Отец покосился в мою сторону.

– Хорошо. Очень хорошо.

Софи подошла и поцеловала моего отца в щеку.

– Как поживаете, полковник?

Отец буквально расцвел под ее взглядом. Я же закатила глаза, в очередной раз задаваясь вопросом, как это у нее получается и есть ли на свете хотя бы один мужчина любого возраста, который был бы невосприимчив к ее чарам.

– Очень хорошо, дорогая. Честное слово, хорошо. Твой поцелуй излечит тысячу хворей.

Софи встала на цыпочки и поцеловала его в другую щеку.

– Вот так будет еще лучше. – Она крепко пожала его руку. – Вы ходили на встречу, да? Прекрасная новость.

В эти мгновения я поняла, что чувствовал в то роковое утро в римском сенате Юлий Цезарь.

– И ты, Брут? – буркнула я, когда Софи отступила, чтобы Джек закрыл дверь. Похоже, отец посетил собрание Анонимных алкоголиков, и мне совершенно не хотелось размышлять о том, откуда Джеку об этом известно. Я также не горела желанием демонстрировать радость по этому поводу. Я потеряла счет количеству раз, когда отец ходил на первую встречу, а затем вместо второй отправлялся в бар. Я давно махнула на это рукой, чтобышний раз не портить себе настроение.

Я скрестила руки на груди, вновь размышляя над тем, как так получилось, что моя размеренная жизнь понеслась от меня куда-то прочь, словно вырванный из рук сильным ветром воздушный змей. В любой момент она могла рухнуть на землю, и я буду вынуждена собирать ее осколки. В очередной раз. Я утешала себя тем, что худшее уже позади, и, что бы ни случилось, это можно будет считать переменной к лучшему.

Отец шагнул ко мне. В его глазах, в складках его рта было нечто такое, что заставило меня усомниться в том, что худшее позади.

– Привет, Мелани. – Он не стал прикасаться ко мне, чему я была только рада. Он кашлянул. – Вчера звонила твоя мать. Сказала, что хотела бы с тобой поговорить.

Я посмотрела ему в глаза, чувствуя, как воздушный змей, кружась, медленно спускается вниз, чтобы в последний момент разбиться о землю.

Глава 6

Я захлопнула крышку чемодана и пребывала в процессе прижимания ее мягким местом, пытаюсь защелкнуть замок, когда звякнул дверной звонок. Я бы вообще его не услышала, но в тот момент треки на моем компакт-диске менялись с «Ватерлоо» на «SOS», поэтому на миг в наушниках возникло затишье. Я посмотрела в глазок и быстро отступила, в надежде, что Джек меня не видел.

– Я слышал вас, Мелли. Вам придется меня впустить.

– Вы опоздали, – сказала я. – И прекратите называть меня Мелли. Меня зовут Мелани.

– Неправда. Вы просили меня прийти сегодня вечером, чтобы помочь перевезти часть ваших вещей в дом. Вот я и пришел.

– Тем не менее вы опоздали. В это время я ложусь спать и уже надела пижаму. Для большинства людей вечер заканчивается в девять часов. Сейчас официально уже не вечер, а ночь.

– Но сейчас всего девять часов.

– Верно. И я готовлюсь ко сну.

С другой стороны двери донесся легкий удар; я представила, как Джек боднул лбом дверной косяк.

– Сегодня я провел кое-какое исследование, мне кажется, вам будет интересно услышать о нем.

Я замерла в нерешительности.

– Мы могли бы где-нибудь заказать десерт, а я тем временем вам все расскажу.

– Десерт? – Я притворилась, будто взвешиваю варианты. – Ну, хорошо. – Быстро стерев с лица рукавом розового махрового халата увлажняющую маску, я открыла дверь. – А на обратном пути можно будет закинуть мои чемоданы.

Джек с притворным ужасом посмотрел на мой халат и пушистые домашние тапочки.

– Знаете, вам не нужно было одеваться ради меня.

– Я в это время ложусь спать, или вы забыли?

Он недоуменно поднял брови.

– В таком случае мы могли бы просто остаться у вас.

Я встала и подбоченилась.

– Вы умеете разговаривать с женщиной, обходясь при этом без сексуальных намеков? Такие комментарии, как этот, перечеркивают все ваши шансы на серьезные отношения с ней.

Его улыбка осталась на лице, а вот огонек в глазах на миг потускнел.

– Сходил, посмотрел, купил футболку, большое спасибо. Повторным выступлением не интересуюсь.

Все понятно, – подумала я про себя. – *Испорченный товар*. Еще одна причина держаться подальше от Джека Тренхольма.

Он покосился на динамики, которые я поставила в углу гостиной, и прищурился.

– Что это за странные звуки?

– Это «АББА».

– «АББА»?

– Эта группа продала альбомов больше, чем «Битлз». Но, похоже, вы не слышали ни о тех, ни о других.

Джек почесал подбородок.

– Знаком с обеими группами. Просто в последний раз я слышал их песню, сидя на заднем сиденье машины, когда мама слушала свои записи на пленочных кассетах.

Я подошла к стереосистеме и выключила ее.

– Тогда не будем тратить хорошую музыку ради равнодушных ушей. – Я направилась в спальню. – Одну минутку. Сейчас переоденусь.

– Только не сильно, – крикнул он вслед. – Вы мне даже нравитесь в таком виде.

Я нарочно не стала оборачиваться, чтобы он не видел моей улыбки.

Когда я вернулась, он расположился на моем черном кожаном диване и, положив ноги на стеклянный журнальный столик, листал последний номер журнала «Сайкологджи Тудей». Я поставила перед Джеком чемоданы и шлепнула его по ботинкам.

– Живо уберите!

– Слушаюсь, мэм, – сказал он, убирая ноги со стола и вставая. – Лично для меня слишком заумно, – добавил он, поднимая журнал.

Взяв журнал у него из рук, я вернула его на кофейный столик, аккуратно положив на стопку из трех других.

– Софи почему-то решила осчастливить меня годовой подпиской. Я использую их в качестве украшения журнального столика.

Джек сунул руки в передние карманы джинсов и посмотрел на потолок, словно пытался что-то вспомнить.

– О, да. Что она вчера говорила о вас? Что-то о сексуальной неудовлетворенности, которую вы носите, словно пояс целомудрия? – Джек подмигнул. – Вам не кажется, что это именно тот журнал, который мог бы вам помочь?

– Вам не кажется, что нам пора? – спросила я, мысленно пообещав убить Софи.

– После вас, – сказал Джек, пропуская меня первой, после чего поднял оба моих чемодана.

Я направилась к входной двери.

– Одну минутку. Я должна взять сумочку и мобильник.

Опустив тяжелые чемоданы, он встал посреди небольшой прихожей и заглянул в кухню, где я уже поставила на стол миску для мюслей и ложку и положила рядом телефон, чтобы с утра пораньше быть готовой ответить на любые звонки.

– Мне у вас нравится, – сообщил Джек, когда я опустила телефон в сумочку.

Мы оба окинули взглядом голые белые стены, белый палас на полу и ультрасовременную мебель. Не будучи уверена, что это, комплимент или сарказм, я ограничилась тем, что сухо поблагодарила его.

– Спасибо, – сказала я, вешая сумочку на плечо. – Это родные стены.

– Полагаю, вам будет нелегко оставить их и перебраться жить в старый дом? Надеюсь, здесь у вас нет призраков?

Я подозрительно посмотрела на него.

– Вы про что?

– Сами знаете. Про ваше шестое чувство. В таком старом доме, как на Трэдд-стрит, их просто не может не быть.

Я резко открыла дверь.

– Послушайте, я вам уже говорила. Не знаю, что вы там читали о моей матери, но я не унаследовала от нее никакого шестого чувства, или что там у нее было. Я не вижу мертвых людей, поняли? И я была бы вам благодарна, если бы вы впредь воздержались поднимать эту тему.

Он придержал для меня дверь.

– Хорошо, мир. Больше никаких упоминаний о призраках. По крайней мере, этим вечером.

Увы, он уже вывел меня из себя, и я не удержалась от язвительной ремарки:

– Прекрасно. И, покуда вы держите слово, я не стану упоминать про вашу старую подругу.

Джек поднял брови, но ничего не сказал, лишь молча взял мои сумки и закрыл за собой дверь.

На этот раз ресторан выбрала я. Хотя мы собирались ограничиться лишь десертом и кофе, мне не хотелось есть с бумажных тарелок. Мы поехали в город в «Крю кафе» на Пинкни-стрит, где я была на короткой ноге с их знаменитым шоколадным тортом. Большинство посетителей уже ушли, поэтому проблем с тем, чтобы найти маленький столик и заказать только кофе и десерт, не возникло. Я подумала, что Джек закажет пиво или скотч. Каково же было мое удивление, когда он попросил принести кофе без кофеина.

Должно быть, он поймал на себе мой удивленный взгляд, потому что сказал:

– Рядом с вами мне никак нельзя терять мозги. Не хочу, чтобы вы воспользовались моей слабостью.

Я закатила глаза, затем заказала капучино и шоколадное пирожное. Не иначе как я пребывала в великодушном настроении, потому что попросила принести две вилки, хотя большинство моих друзей знали: есть десерт из одной тарелки со мной опасно, если только они не хотят, чтобы в их пальцы вонзились зубцы моей вилки.

Мы потягивали кофе – Джек свой черный, я с двумя пакетиками сахара, – и, пока ждали десерт, я спросила:

– Итак, что вы узнали сегодня?

Зажав чашку длинными, загорелыми пальцами, Джек наклонился вперед.

– Помните, я рассказывал вам про Джозефа Лонго? Что он был без ума от Луизы и что все думали, будто они сбежали вместе?

– Да. Вы говорили, что, даже когда она вышла замуж, он продолжал оказывать ей знаки внимания.

– Верно. Хотя из того, что мне известно на сегодня, следует, что его чувства оставались без ответа. По ее словам, она любила мужа и сына.

– Это я уже слышала, – пробормотала я, возясь с салфеткой на коленях.

Джек на секунду задумался.

– Вы не представляете, как много писали о мистере Лонго. В двадцатые и тридцатые годы он имел здесь, в Чарльстоне, большие связи. Он был владельцем нескольких фирм, в основном строительных, пары ресторанов и салона красоты. Его имя постоянно мелькало в газетах в связи с самыми разными событиями – открытия, церемонии, перерезание ленточек и тому подобное.

Рядом с нашим столом возник официант, чтобы подлить ему кофе. Как только тот отошел, Джек продолжил:

– Интересно другое: его имя редко появлялось на страницах светской хроники. Такое впечатление, что старые деньги Чарльстона его не принимали, считая выскочкой, нуворишем. Или же люди были наслышаны о его деловой нечистоплотности и не желали общаться с ним. Не то чтобы старые деньги Чарльстона чурались деловой нечистоплотности – просто им хватало хороших манер это не афишировать.

Джек прижал ко рту руку, подавляя огромный зев.

– Простите, – произнес он с виноватым видом. – Я был в библиотеке с первыми лучами зари и теперь засыпаю на ходу.

– Вот уж не знала, что библиотека открывается так рано.

– Она и не открывается.

– Тогда почему?..

Джек улыбнулся. Я же пожалела, что задала этот вопрос.

– Я знаю кое-кого, кто там работает, – сказал он. – Она пошла мне навстречу.

– Навстречу?

– Да, навстречу. Она впустила меня рано утром, чтобы я без всякой бюрократической волокиты мог получить доступ к секретным документам.

Скрестив на груди руки, я молча смерила его пристальным взглядом. По словам Нэнси Флаэрти, имя Джека постоянно мелькало в колонке светской хроники рядом с именами самых разных красавиц. Похоже, у него немало подруг.

В этот момент рядом с нашим столиком вновь вырос официант и широким жестом поставил на середину стола массивный кусок торта.

– Ух ты! – восхитился Джек. – Этим можно кормить семью из шести человек в течение недели.

Я подняла вилку и усмехнулась:

– Или одну очень голодную женщину.

Я с неохотой предложила ему вторую вилку.

Джек покачал головой:

– Нет, спасибо. Боюсь, я не могу позволить себе лишние калории.

Я представила его брюшной пресс и стройные бедра.

– В самом деле?

– Ладно, не совсем так. Просто я по опыту знаю, что лучше не оказываться между женщиной и ее шоколадом.

Я положила в рот кусок торта и указала на него вилкой.

– Умный мальчик, – сказала я, проглотив первый восхитительно вкусный кусок, и отправила вслед за ним другой.

– Вы из тех, кто может есть все, что угодно, и не прибавлять ни фунта. Я прав?

Я кивнула.

– Я такая с рождения. Не знаю почему, да и не хочу знать.

Он наблюдал, как я кладу в рот очередной кусок.

– Знаете, будь я женщиной, я бы, наверное, вас ненавидел.

– Но ведь это не моя вина, хотя я сполна этим пользуюсь.

Скрестив руки на груди, он откинулся на спинку стула и выгнул бровь, как бы говоря: «Я собираюсь сказать то, что вам не понравится, но все равно скажу». Прекратив жевать, я ждала, что сейчас последует.

– Вы не задумывались о том, что все эти калории сжигает ваша суетливость?

Я отпила кофе и проглотила кусок торта.

– Моя «суетливость»?

– Она самая. Впервые в жизни вижу такую суетливую женщину. Вы вечно дергаетесь, вечно чем-то подергиваете. Например, ногой. Вы что, не можете сидеть спокойно?

Усилив волю приструнив ногу, я взяла в рот еще один кусок и, проглотив его, вытерла губы.

– Может, мы все же поговорим о деле? Если не ошибаюсь, прежде чем вы отвлеклись и начали произносить благоглупости, вы говорили о мистере Лонго.

Неторопливо сделав глоток кофе, Джек нахально улыбнулся мне.

– Благоглупости? Я даже не припомню, когда в последний раз слышал это слово.

– Почему-то меня это не удивляет, – улыбнулась я. – Давайте о Джозефе Лонго, хорошо?

– Ну что ж, как я уже говорил, это был делец еще тот. Считалось, что во время сухого закона он контролировал поставку спиртного в Чарльстон, как в подпольные питейные заведения, так и в частные дома, что, вероятно, и стало причиной того, что он ни разу не был пойман за этим занятием. Сложно арестовать парня, который снабжает винишком начальника полиции.

– И как это связано с исчезновением Луизы?

Джек подался вперед.

– Сейчас узнаете. По словам очевидцев, в том числе его собственного сына, в тот же день, когда Луиза исчезла, Джозефа в последний раз видели на пути к дому Вандерхорстов номер пятьдесят пять на Трэдд-стрит.

У меня в горле застрял кусок шоколадного торта. Я попыталась протолкнуть его дальше, глотнув остывшего капучино.

– Он направлялся за Луизой. Чтобы сбежать вместе.

Нет, не такой ответ я хотела услышать.

– Наверняка так могло показаться со стороны. И должно быть, именно так показалось ее мужу. Он весьма громко осуждал Луизу за то, что она бросила его и ребенка.

Я оттолкнула от себя недоеденный торт.

– Но Невин Вандерхорст надеялся, что... – начала было я, но не смогла продолжить, мысленным взором увидев, как мистер Вандерхорст показывает мне ростоммер на стене гостиной и инициалы МЛМ. – Мой любимый мальчик, – машинально произнесла я вслух.

– Что?

– О, ничего. Просто Луиза так называла своего сына: «мой любимый мальчик».

– Откуда вам это известно?

– Это написано на стене в гостиной, возле напольных часов. Это часть ростоммера. – Я покачала головой. – Это полная бессмыслица: ростоммер, все эти фотографии Невина и его матери. Но факт остается фактом: Джозефа Лонго в последний раз видели на пути к ее дому, после чего их обоих больше никто не видел. Что, безусловно, указывает на то, что они сбежали вместе.

Скрестив на груди руки, Джек откинулся на спинку стула и задумался.

– Я по собственному опыту знаю: самый очевидный ответ редко бывает верным. – Он поставил локти на стол и подался вперед. – Вы когда-нибудь видели, как фокусник берет в кулак монетку и проводит сверху второй рукой? И потом вы должны угадать, в какой она руке? Я всегда выбирал ту, в которой ее, по идее, не должно было быть. И в девяноста девяти процентах случаев бывал прав. Это просто ловкость рук. И все. Ловкость рук.

– Но ведь Луиза исчезла. Муж и ребенок, которых она якобы так любила, никогда ее больше не видели и не получали от нее известий.

Джек сунул руку в задний карман и, вытащив двадцатипятицентовую монету, положил ее на ладонь и протянул мне.

– Не всегда ищите очевидное, Мелли. – Сжав обе руки в кулак, он несколько раз переставил их один над другим, после чего вновь протянул мне. – В какой руке монетка?

Я внимательно следила за его движениями и не видела, чтобы монетка переходила из руки в руку.

– В этой, – сказала я, указывая на правую.

Он медленно разжал ладонь, и моему взгляду предстали лишь гладкая кожа и длинные пальцы. И очень чувствительные, подумала я и вздрогнула. Джек разжал левый кулак. Монетка выкатилась на стол и, покрутившись, легла решкой.

– Вот видите? – улыбнулся Джек. – Ловкость рук. Вот так и с Джозефом и Луизой. Там наверняка что-то есть. Что-то такое, чего мы пока не видим. Я это гарантирую.

Я посмотрела ему в глаза, задаваясь вопросом: откуда в нем эта уверенность? То ли причина в том, что он всегда бывал прав, то ли в чем-то еще.

– Почему вы так считаете? – спросила я, глядя на него в упор.

– Потому, – ответил он, – что мать, называющая сына «моим любимым мальчиком», мать, у которой есть несколько десятков их общих портретов, не исчезает бесследно с лица земли, раз и навсегда оборвав с ним связь. Поверьте мне. Там явно что-то другое. Мой внутренний голос и опыт подсказывают мне, что здесь что-то не так. В городе есть несколько мест, где я планирую порыться в архивах, да и на вашем чердаке непременно найдется немало подсказок.

Кстати, Мелли, интересно было бы взглянуть на ростомер. Никогда не знаешь, что может стать подсказкой.

– Сомневаюсь, но можете посмотреть. Я включила вас в рабочий график завтра утром на семь часов, так что, если вы приедете туда чуть раньше, у вас будет время изучить ростомер. Или можете подождать до обеденного перерыва.

Джек посмотрел на меня в упор.

– Вы сказали, обеденный перерыв?

– Да. Я подумала, что если вы приступите к работе в семь утра, то в двенадцать можно будет устроить обеденный перерыв. – Порывшись в сумочке, я достала распечатку графика работ. – Я буду там завтра в семь. Нужно обговорить с кровельщиком примерную смету замены крыши, после чего могу помочь вам разобраться на чердаке. Но недолго, так как в одиннадцать у меня встреча с новым клиентом. До шести часов я буду на работе, после чего вернусь на Трэдд-стрит и продолжу вашу работу, поскольку вы уйдете в пять. И так до девяти тридцати, в это время я ложусь спать.

– Вы составили таблицу...

Не понимая причину его замешательства, я вопросительно посмотрела на Джека.

– Да. Так легче распределить рабочую нагрузку. Кроме того, каждый получает свой законный обеденный перерыв. Софи сказала, что она на пару часов может присоединиться к нам после занятий в колледже, поэтому я включила ее в график с трех и до пяти часов вечера.

– Обеденный перерыв.

– У вас проблемы со слухом? Или вы привыкли, чтобы люди говорили медленно?

Он кашлянул в кулак, и это прозвучало почти как смешок.

– Нет. Со слухом у меня все в порядке. Но эта ваша таблица!..

Положив лист бумаги на стол, я откинулась на спинку стула.

– Послушайте, мне казалось, вы вызвались помочь мне с ремонтом дома в обмен на полный доступ ко всему, что в нем есть. Я, вняв вашему совету, даже подписала договор на установку системы сигнализации. Поэтому, если у вас возникли какие-то сомнения, дайте мне знать, чтобы я могла внести в график соответствующие изменения.

Джек закрыл лицо ладонью, и на этот раз я была уверена: он смеется.

– Нет, нет, нет. Конечно, я готов, я желаю и могу помочь. Просто вы так...

Он посмотрел на потолок, словно подыскивал слова, которые не обидели бы меня.

– Просто вы так серьезно подходите к делу.

Тем не менее, задетая его поведением, я положила обе ладони поверх графика работ, на составление которого у меня ушло почти полдня. Изначально я предусмотрела короткие перерывы на пользование туалетом, но затем, слава богу, передумала и, судя по реакции Джека, правильно сделала.

– Послушайте, я не знаю, как это работает в мире написания книг, но в реальном мире профессионал, если он хочет быть успешным, должен предвидеть любую мелочь. Если у меня новый клиент, я долгими часами разговариваю с ним или по телефону, или лицом к лицу, чтобы точно знать, что ему или ей нужно. Затем я в течение нескольких дней составляю список домов, которые отвечают всем требованиям. А также график просмотров каждого такого дома, удобный как для клиента, так и для владельцев. – Я шлепнула ладонью по столу. – Именно поэтому я успешный риелтор с хорошей репутацией, а не какая-то там неуверенная в себе барышня, которая лишь пыжится, но ничего толком не умеет.

Джек подался вперед, и я обратила внимание, что его глаза того же цвета, что и его рубашка.

– И ваша специальность – это исторические дома, – спокойно произнес он. – Но, судя по тому, что я знаю о вас, вы предпочитаете жить в новеньком кондоминиуме с белыми стенами и гостиничной мебелью. Это как-то связано с домом вашей матери?

Я отодвинула стул и подала знак официанту.

– Полагаю, мы закончили.

Я привстала, но Джек взял меня за руку, вновь заставляя сесть.

– Извините. Просто этот вопрос не дает мне покоя. У меня такое чувство, что это как-то связано с вашей матерью. Вчера я обратил внимание на то, как вы отреагировали, когда ваш отец сказал, что она звонила. Готов поспорить, что вы не перезвонили ей.

Я открыла было рот, чтобы сказать ему, что это не его дело, как вдруг почувствовала в затылке знакомое покалывание. Бросив взгляд через плечо Джека, я увидела стройную молодую женщину. Полными печали и мольбы глазами она смотрела на Джека, затем резко повернула голову ко мне.

У нее были темные круги под глазами и ввалившиеся щеки, как будто она была больна. Но ее глаза были как будто подсвечены изнутри, и у меня сложилось четкое впечатление, что этот свет как-то связан с Джеком.

– Что такое? – спросил он.

В следующий миг женщина начала таять, словно дым от погашенной свечи; я повернулась к Джеку.

– Кто-то из ваших близких... болен?

Он странно посмотрел на меня.

– Нет. Я ничего не знаю об этом. Почему вы спрашиваете?

– Молодая женщина. Стройная. Светловолосая. Это описание ничего вам не говорит?

– Это описание может говорить о ком угодно, но никто из тех, кого я знаю, не болен.

Его тон был почти игривым, вернее, наигранным.

По моему уху скользнул легкий вздох, а она окончательно исчезла.

– Ничего. Забудьте. – Я встала. – Пойдемте. Мне давно пора спать.

Вытащив из бумажника несколько банкнот, Джек положил их на стол и последовал за мной из ресторана.

Мы молча проехали небольшое расстояние до Трэдд-стрит, слушая пляжную музыку, которая всегда напоминала мне о лете. Остановив машину перед домом, Джек пошел к багажнику, чтобы вытащить мои чемоданы. Я открыла ему калитку, а затем ведущую на веранду дверь и остановилась как вкопанная. Входная дверь была распахнута настежь, и, когда я шагнула внутрь, под подошвой моих сандалий раздался хруст стекла.

Первая мысль была о том, во что мне обойдется заменить чертово окно от Тиффани. Но затем я вспомнила, что не только убедилась в том, что дверь закрыта, но и заперла ее снаружи на ключ.

Джек со стуком поставил чемоданы рядом со мной.

– У вас в сумочке есть мобильник? – шепотом спросил он.

Я кивнула.

– Перейдите к краю веранды, чтобы тот, кто убежит из дома, вас не заметил, а потом позвоните в полицию. Я же пойду проверю, по-прежнему ли этот сукин сын внутри.

– Нет! – Я схватила Джека за руку. – Это может быть опасно.

В ответ он лишь одарил меня улыбкой. И должна признать, что, хотя я и стояла в темноте на битом стекле, улыбка эта возымела действие.

– Ваша забота льстит мне, Мелли. Но, смею предположить, вы еще не погуглили, кто я такой, иначе вы не беспокоились бы о моей персоне. Не волнуйтесь, я справлюсь.

Прежде чем я успела сказать ему, чтобы он не называл меня Мелли и что мне даже не приходило в голову его гуглить, Джек проскользнул внутрь. Впрочем, про Гугл я солгала бы: я пыталась, но мой компьютер завис, повторить же попытку я не успела, потому что должна была торопиться на встречу с клиентом. И все же...

Я перешла в тень на противоположной стороне веранды и открыла свой телефон-раскладушку. Прислонившись спиной к стене дома, я вдыхала южную ночь, наполненную ароматом жасмина и гардений, и вскоре поймала себя на том, что вновь слышу ритмичный скрип веревки о сук старого дуба. Я крепко зажмурилась, чтобы ничего не видеть и не слышать, и спокойно заговорила в телефон.

Глава 7

Пересекая мост через реку Купер, я заморгала от играющих на воде солнечных бликов. Мы проговорили с полицией до двух часов утра, и к тому времени, когда я, наконец, уснула, уже пора было просыпаться. К счастью, из дома ничего не украли – или к сожалению, я еще не решила, – что сбило с толку не только полицию, но и нас с Джеком. Разбитое стекло оказалось не окном от Тиффани, а пивной бутылкой, которую кто-то разбил о закрытую дверь.

Но самое странное заключалось в другом: дверь была широко распахнута без каких-либо признаков взлома и того, что кто-то входил в дом. Как будто потенциальный вандал и/или взломщик испугался того, кто открыл дверь. Несмотря на многочисленные косые взгляды Джека в мою сторону, я предпочла не размышлять о том, что это могло быть.

Мои глаза были красными и чесались, как будто полные песка. Мне было искренне жаль клиентов, с которыми у меня в этот день были назначены встречи, но я попытаюсь взбодриться, заказав у Рут еще одну порцию эспresso.

Это, по крайней мере, поможет мне дожить до одиннадцати часов, до встречи с Чэдом Араси. Чэд – человек неприхотливый и вряд ли заметит, если я, не закончив предложения, начну клевать носом. Я пока еще не придумала, как его познакомить с Софи. Если честно, не уверена, что Софи заслужила знакомство с ним.

Сексуальная неудовлетворенность, которую я ношу, словно пояс целомудрия. Это надо же такое ляпнуть! Что-то подсказывало мне: Джек Тренхольм использует этот ее перл против меня еще не один раз. Тогда почему эта мысль вызвала у меня улыбку?

Припарковав машину в обычном месте, я направилась в заведение Рут. Как обычно, стоило мне открыть дверь, как тренькнул колокольчик.

– Обычный набор, Рут, но с небольшими изменениями.

Рут поставила мясистые локти на стеклянную витрину.

– Слышу благую весть, мисс Мелани. Может, вам приготовить яичницу с колбасой? Доставили сегодня утром специально для вас.

Я улыбнулась.

– Спасибо, но я должна получить свою дозу сахара. Как насчет дополнительного пончика с глазурью и двойного эспresso к моему латте? А яичницей с колбасой вы угостите меня в другой раз, идет?

Рут покачала головой и щелкнула языком.

– Когда-нибудь ваши дурные привычки подкрадутся к вам сзади и больно укусят, и вы проснетесь такой, как я.

Я посмотрела на ее пышную грудь, которая могла запросто служить полкой, и рассмеялась.

– Что было бы не так уж плохо. По крайней мере, у меня появилась бы причина носить лифчик.

Рут откинула голову и рассмеялась. На фоне темного лица ее белые зубы казались жемчужинами.

– Это точно, дорогая. Это уж точно.

Я сунула руку в портфель и вытащила пухлый конверт.

– Я принесла вам купоны.

Взяв у меня конверт, она заглянула внутрь.

– Вы весьма любезны, мисс Мелани, тратя на меня время. Но я ценю вашу заботу.

Сунув в конверт мясистый палец, она поворошила купоны.

– Они у вас всегда так аккуратно рассортированы и схвачены скрепкой.

Я указала на пачку у нее в руке:

– На этот раз я специально пометила купоны, у которых на следующей неделе истекает срок действия, чтобы вы знали, какие использовать в первую очередь.

Рут долго смотрела на меня полным благодарности взглядом. Впрочем, мне почему-то показалось, что ей стоило немалых трудов не рассмеяться.

– Вы просто душа, мисс Мелани. Это, конечно, перебор. Но все равно огромное вам спасибо.

Смущенная ее благодарностью, я пожала плечами. Я знала, что Рут живет с шестнадцатью племянницами, племянниками и собственными детьми, и давно поняла, что мои воскресные купоны – это единственный вид благотворительности, который не был ей оскорбителен.

– Вот, например, «Купи один товар, второй получи бесплатно». Я подумала, что он пригодится вам для двух малышей, которые только учатся есть твердую пищу.

Она кивнула, положила купоны обратно в конверт и сунула его под прилавок.

– А вам еще один пончик за счет заведения. – Она взяла щипцы и, добавив пончик в лежащий на прилавке пакет, повернулась к кофемашине. – В воскресной газете было напечатано ваше фото, мисс Мелани. Я не знала, что у вас есть особняк, из тех, что к югу от Брод-стрит.

– Что? Я попала в газету?

– Да. А вы сами разве не видели?

Я постеснялась сказать ей, что читаю лишь объявления о продаже недвижимости, а все остальное не достаиваю вниманием.

– Нет, должно быть, пропустила. А в каком разделе?

– Погодите, я еще не выбросила эту газету. Сейчас принесу.

С этими словами она вперевалочку прошла в заднюю часть магазина и вернулась с воскресной газетой. Положив ее на прилавок, она открыла раздел «Люди». На первой странице, в короткой колонке справа, красовалось мое фото с рабочего веб-сайта.

К сожалению, снимок был сделан после визита к парикмахеру, который убедил меня, что мне подойдет стрижка с химической завивкой. Результатом злополучного эксперимента стала помесь Маленькой Сиротки Энни с рок-звездой восьмидесятых. На мое счастье, это длилось недолго, так как мои волосы не терпели никаких перманентов. Я уже давно планировала заменить это фото, но этот пункт застрял где-то в середине моего списка дел. Я поставила мысленную галочку, дабы не забыть переместить его в раздел первоочередных задач.

Взгляд скользнул к короткой колонке под снимком, содержавшей краткий комментарий по поводу внезапно свалившегося на меня наследства – дома моего недавно умершего клиента мистера Вандерхорста. Интересно, подумала я, заметил ли кто-нибудь подленький намек на то, что с моей стороны это нарушение профессиональной этики?

– Это просто кошмар, – сказала я, предположив, что заметка появилась стараниями мистера Гендерсона. По всей видимости, он позвонил в газету, чтобы похвастаться моим «переворотом», как он это назвал. Впервые до меня дошло, что он рассчитывал на то, что в конце года я продам дом через наше агентство, и это принесет ему не только доллары, но и немалый престиж.

Рукой в тонкой пластиковой перчатке Рут указала на фотоснимок.

– Он не так уж плох, мисс Мелани. К тому же он так мал, что на него вряд ли кто обратил внимание. Я сама заметила его лишь потому, что узнала ваше худенькое личико.

Вновь звякнул колокольчик, и в магазин, сжимая кожаный портфель, вошел какой-то бизнесмен. Я была уверена, что никогда не видела его раньше, но он улыбнулся мне, как будто мы были старыми друзьями.

– Мне один из ваших знаменитых сэндвичей с яйцом и беконом, – сказал он, кладя на прилавок банкноту в двадцать долларов.

Я помахала Рут и уже, сжимая пакет и кофе, выходила в дверь, когда мужчина повернулся ко мне.

– Хороший снимок в газете.

Я застыла на месте.

– Мы с вами знакомы?

– Нет. Но люди читают газеты и видят в них снимки, тем более на первой полосе. – Он указал на мои волосы. – Ваша нынешняя прическа идет вам куда больше.

– Хм, спасибо, – ответила я и, чувствуя себя совершенно оплеванной, вышла из магазина.

Ломая голову над тем, действительно ли люди смотрят на меня по-другому или мне только кажется, я подошла к нашему офису. Нэнси Флаэрти встретила меня за стойкой в фойе. Стоя в наушниках громкой связи, она пыталась провести через перевернутую чашку мяч для гольфа. Когда я вошла, она подняла глаза и улыбнулась.

– Доброе утро, Мелани. Сегодня ты популярна как никогда. Думаю, это из-за статьи во вчерашней газете. Кстати, это была идея Тома. Люди звонят и спрашивают тебя. Я уже пять раз отвечала на звонки, а ведь еще нет и девяти часов.

Я подняла руку с бумажным пакетом, чтобы она вставила мне между пальцами пять розовых бумажек с сообщениями.

– Один звонок – от душки Джека Тренхольма. Ты непременно должна пригласить его к нам в офис, чтобы я могла взглянуть на него.

– Звонил Джек? – Я уже злилась на него, а ведь еще не было и полудня. В семь утра я приехала в дом и пробыла там примерно до восьми тридцати, обсуждая дела с кровельщиком, но Джек так и не объявился. Я попыталась дозвониться ему на сотовый и на домашний, но всякий раз мои звонки переадресовывались на голосовую почту.

Мне хотелось думать, что это потому, что я забыла дать ему экземпляр моего рабочего графика, и он запямятовал, когда должен был приехать. С другой стороны, я несколько раз сказала ему, что он должен быть на месте в семь утра, если хочет поработать со сваленными на чердаке документами.

– Что ему было нужно?

– Там сказано. Мол, этим утром он опоздает, потому что работал в библиотеке и не мог уйти.

– В библиотеке, – презрительно фыркнула я и зашагала в свой кабинет.

– Он сказал что-то о том, что он должен придерживаться рабочего графика, – крикнула мне вслед Нэнси, – чтобы отработать необходимое количество часов, и я сказала ему, что ты не против. Мелани, признайся честно, ты случайно не составила одну из своих занудных таблиц и не вручила ему экземпляр?

Войдя в кабинет, я уже повернулась, чтобы закрыть дверь, когда Нэнси окликнула меня снова:

– Мелани! Пожалуйста, скажи мне, что ты этого не сделала!

Я успела вовремя закрыть дверь, и пущенный в мою сторону мяч для гольфа пролетел мимо цели.

Положив все на стол, я начала перебирать сообщения. Затем вновь попыталась связаться с Джеком и в очередной раз наткнулась на голосовую почту. Было сообщение от Софи. Та ставила меня в известность, что будет в доме около трех часов, чтобы завершить оценку, – ага, значит, нужно будет скорректировать таблицу с графиком. И сообщение от моего отца. На этом листке была лишь цифра четыре. Полагаю, это было количество дней, в течение которых он был трезв. Я смяла листок и бросила его в мусорную корзину.

Следующее сообщение было от Чэда Араси. Чэд предупреждал, что опоздает на нашу встречу, поэтому мы могли бы встретиться где-нибудь поближе к кампусу колледжа. Не знаю почему, но я решила перезвонить ему и предложить встретиться в три часа в доме на Трэдд-

стрит, когда там будет Софи. Я не сомневалась: в один прекрасный день они скажут мне за это спасибо. Может, даже назовут в мою честь своего первенца.

Последнее сообщение привело меня в замешательство. Оно было от человека по имени Марк. И никакой фамилии. Я была уверена, что не знаю никаких Марков. Барабанила ногтями по столу, я молча съела первый пончик, пытаюсь вспомнить, где мы могли с ним пересечься. Никакого телефонного номера или сообщения он не оставил. На листке была лишь сделанная рукой Нэнси пометка «перезвонит».

Я нажала кнопку внутренней связи и подождала, когда Нэнси возьмет трубку.

– Да, Мелани.

– Я прочла про звонок от парня по имени Марк. Он назвал свою фамилию?

– Нет. И отказался оставить сообщение или дать свой номер телефона. Сказал, что при первой же возможности перезвонит сам.

– Спасибо, Нэнси. – Я положила трубку и, скомкав листок и швырнув его в корзину, выбросила Марка из головы. Затем включила компьютер и потянулась за другим пончиком. Увы, едва я успела вонзить в него зубы, снова раздался звонок от Нэнси.

– У нас посетитель.

Было в ее голосе нечто такое, что заставило меня насторожиться. Я тотчас ощутила себя котенком, который объелся сливок.

– И кто он?

На этот раз я определенно услышала в ее голосе усмешку.

– Джек Тренхольм. Он сказал, что ты его ожидаешь.

Я горестно вздохнула.

– Вообще-то нет, но пусть заходит.

– Поняла.

Я едва успела сунуть пакет с пончиками в ящик стола, когда услышала стук в дверь. Затем та открылась, и Нэнси впустила Джека. Вопросительно посмотрев на меня из-за его плеча, она показала мне обе открытые ладони, сигнализируя цифру десять, и закрыла за собой дверь.

– Она не замужем? – спросил Джек, указывая на закрытую дверь.

– Замужем. Очень даже замужем. Две дочери. Скажите, с вас этого достаточно или вы хотели бы узнать что-то еще?

Джек поднял мячик для гольфа.

– Она попросила подписать его, когда у меня будет время. Должен сказать, меня еще ни разу не просили украсить автографом мяч для гольфа. Женскую грудь – да, и даже меню, но мячик для гольфа впервые. Я сказал ей, что мне нужен маркер, и я верну его сразу, как только я подпишу мяч. Напомните мне, если я вдруг забуду.

В ответ я лишь фыркнула.

В руках у Джека была свернутая газета, одет же он был в ту же одежду, что и накануне. Накрахмаленная рубашка помялась и выглядела довольно несвежей.

– Симпатичная рубашка, – не удержалась я от колкого комментария.

– Симпатичная прическа, – парировал Джек, открыв газету на странице «Люди», откуда нам улыбнулось мое фото, и подтолкнул ее мне через стол. – Я подумал, вам пригодится дополнительный экземпляр для вашего альбома с вырезками.

Я в упор посмотрела на Джека.

– Откуда вам известно, что он у меня есть?

– Удачная догадка, – пожал плечами Джек.

Я вырвала у него газету и сунула ее в корзину для мусора.

– Почему вы здесь? Разве вы не должны в это время работать в доме?

– Разве Нэнси не передала вам мое сообщение?

– Передала, но я предположила, что, закончив свои «исследования», вы будете там заниматься чердаком. Или вы забыли – чем скорее вы добудете необходимую вам информацию, тем скорее мы с вами расстанемся.

Он почесал щеку, на которой уже виднелась легкая щетина.

– Кстати, о птичках. Я по натуре скорее сова, и мне лучше всего работается в вечерние часы. Боюсь, что наши с вами графики не совпадают.

Я откинулась на спинку стула, думая о том, какие изменения мне придется внести в график работ.

– Тогда почему вы здесь?

– Обещаю, что приеду в дом, как только немного вздремну и приму душ. Но сначала хотел сообщить вам то, что я узнал. Очень надеюсь, что то, что я хочу вам сказать, немного смягчит вас, и вы не станете злиться на меня за то, что я подвел вас сегодня утром.

Я покрутила карандаш.

– Сомневаюсь, однако продолжайте.

Я слушала его одним ухом, так как мои мысли были заняты графиком.

Джек уселся на край стола – такой наглости никто в офисе себе не позволял, даже мой босс. Я раздраженно посмотрела на нахала, но он либо проигнорировал мой взгляд, либо не заметил.

– Вернувшись вчера домой, я продолжал думать про Джозефа Лонго. Он долгое время был главной фигурой в Чарльстоне. У него было три сына, которые на момент его смерти участвовали в семейном бизнесе. – Джек умолк и странно посмотрел на меня. – У вас больше не осталось пончиков?

– Пончиков? – Я попыталась изобразить наивность.

Он смахнул с уголка рта воображаемую крошку.

– У вас на щеке остатки сахарной глазури. Я решил, что у вас еще остались пончики, потому что я не ел и умираю с голода.

Я нехотя выдвинула нижний ящик стола и, достав пакет с пончиками, вручила его Джеку.

– Будете мне должны, – сказала я, вытирая рот рукой.

Он откусил пончик и улыбнулся.

– С нетерпением жду момента, когда смогу вернуть вам долг.

Я фыркнула.

– Продолжайте. Кое-кого из нас ждет работа.

– Так вот, я подумал, что у человека, у которого было три сына, наверняка в городе есть потомки. И что у них дома, возможно, есть письма или что-то еще, или семейные предания, которые передаются из поколения в поколение и могут восполнить недостающие сведения. Например, куда мог отправиться Джозеф после того, как они с Луизой якобы покинули город. Вдруг у него был дом во Франции или квартира в Нью-Йорке – кто знает? Нечто такое, что он мог передать следующему поколению, а значит, у его потомков есть доступ к этим вещам.

Я наострила уши.

– Разумеется. И что вы узнали?

Откусив от пончика внушительный кусок, Джек широко улыбнулся, не переставая жевать.

– То, что в Чарльстоне до сих пор живет несколько человек по фамилии Лонго, хотя они и не привлекают к себе внимания. Вы не увидите их имена на страницах светской хроники, а их самих – на балу Св. Цецилии. Но у них есть семейный бизнес, который в наше время производит впечатление вполне законного. И хорошо диверсифицированного. Старший из внуков, Марк Лонго, – самый заметный. У него куча недвижимости плюс кирпичный завод и даже некий старт-ап в области высоких технологий, что-то связанное со спутниками. А теперь сюр-

приз. В прошлом году он купил старую плантацию Вандерхорстов, «Магнолия-Ридж». Говорят, планирует заложить там виноградник, чтобы делать свое вино.

– Виноградник? В Южной Каролине?

– Хотите верьте, хотите нет, он не первый. Некоторые сорта винограда дают здесь неплохой урожай. Пока эта задумка еще только в колыбели. Как говорится, поживем – увидим.

Я поймала себя на том, что Джек смотрит на мою перекинутую через колено ногу, которая так и подпрыгивала вверх-вниз. Усилием воли я заставила ногу застыть на месте, зато забарабанила ногтями по столу.

– Как вы думаете, к ним можно будет обратиться? Если им хотя бы что-то известно о прошлом семьи, они наверняка в курсе, что между Вандерхорстами и Лонго была вражда. Когда же они узнают, что мы пытаемся восстановить доброе имя Луизы, сомневаюсь, что они согласятся перейти на сторону врага, если можно так выразиться.

Джек выгнул бровь.

– Тоже верно. – Он вытер лицо салфеткой, которую Рут положила в мой пакет, и встал. – Вот почему мы нанесем визит кое-кому, кто знает в Чарльстоне всех – любят они засветиться в газетах или нет, – и этот человек скажет нам, к кому из них можно обратиться в первую очередь.

Я посмотрела на часы и вспомнила, что до трех у меня нет никаких деловых встреч.

– У меня есть немного времени. – Я встала и сняла со спинки стула сумочку. – Надеюсь, это не ваша бывшая подруга?

Джек открыл для меня дверь.

– Едва ли. Это моя мать.

– О, так мы собираемся нанести визит вашей матери? – Я вопросительно посмотрела на него.

Он в ответ усмехнулся.

– Вы отлично выглядите.

Если честно, его комплимент был совершенно не к месту.

– Дело не в этом. Вы уже говорили о ваших родителях, так что я в курсе, что они у вас есть. Просто вы не похожи на того, у кого есть мать.

Он расхохотался.

– Не похож? Я должен непременно сказать ей это. Вот увидите, она вам понравится. Она всем нравится.

– Наверно, потому, что все ее жалеют, ведь вы ее единственный ребенок.

– Ха! Похоже, вы порылись в Гугле. Я знал, что это только вопрос времени.

К счастью, мы уже дошли до фойе, и мне не пришлось лгать про то, как утром, в момент слабости, до того как пришел кровельщик, я использовала свой ноутбук именно с этой целью. Вместо этого, увидев перед собой Нэнси, я изобразила праведное негодование.

Нэнси встретила нас ослепительной улыбкой.

– Послушай, Мелани. Вас с мистером Тренхольмом не будет до конца дня?

– Надеюсь вернуться сюда, – сказал Джек.

– Разумеется, нет, – одновременно сказала я.

Джек широко улыбнулся Нэнси.

– С нетерпением жду нашей очередной встречи. И непременно верну вам мячик с автографом. И, пожалуйста, зовите меня Джек.

Нэнси покраснела.

– Спасибо, Джек. Мои подруги по гольф-клубу умрут от зависти. Впрочем, я не стану использовать мяч для игры, а лишь принесу его, чтобы похвастаться.

Джек взял ее руку в свои ладони.

– Был рад познакомиться с вами, Нэнси.

– Взаимно, Джек.

В этот тошнотворный момент фэн-фестиваля я открыла дверь.

– Если что, можешь звонить мне на мобильный. В три часа я встречаюсь с мистером Араси в доме на Трэдд-стрит. После чего вернусь сюда, чтобы сделать ряд звонков.

– Поняла! Кстати, я сохранила эту статью из газеты для твоего альбома с вырезками. Между прочим, с новой прической тебе гораздо лучше.

– Спасибо, Нэнси. Буду помнить об этом, когда в следующий раз захочу сделать завивку. Нэнси помахала нам, и Джек открыл мне дверь.

– Поедем на вашей или на моей? – спросил он.

Его «Порше» стоял перед моим белым «Кадилаком».

– Если я предложу на моей, вы наверняка запротестуете.

– Пожалуй, – сказал он и, шагнув к пассажирской двери «Порше», открыл ее для меня.

Подойдя к двери, я замерла на месте, широко раскрыв от удивления рот.

– Вы пытаетесь ловить мух или хотите мне что-то сказать?

Я шлепнула себя ладонью по лбу.

– Марк Лонго. Вы сказали, что он старший из внуков Джозефа Лонго. Так вот, мне в офис позвонил некий Марк, но не оставил ни сообщения, ни номера телефона – только имя. Я выбросила листок и забыла о нем. Я не знаю никаких Марков. Не кажется ли вам странным, что мы говорим о Марке Лонго? Вдруг это один и тот же Марк? И ему нужен риелтор.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.